

• РЕЦЕНЗИЯ •

УДК 94
ББК 63.3
DOI 10.25797/NG.2021.12.4.011

О. Л. Губарев, М. А. Несин

РЮРИК И ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ (РЕЦ. НА: ЛУШИН В. Г. ВАРЯГИ ИЗ «ЗАМОРЬЯ», ЛЕТОПИСНАЯ ЛЕГЕНДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ «ЭПОХЕ РЮРИКА» // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 53-75; ЛУШИН В. Г. О ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 76-88.)

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на статьи В. Г. Лушина «Варяги из Заморья», летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» и «О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях», опубликованные в 2020 г. в сборнике Зимовнического краеведческого музея «Историко--археологический сборник». По заключению рецензентов, новые доводы В. Г. Лушина «против» возможности гипотетически отождествить летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским не представляются убедительными. А работы В. Г. Лушина о Рюрике с произвольными трактовками источников, априорными суждениями, рядом неоднозначных аргументов, нечетким представлением о том, что можно, а что нельзя считать политическим центром и должен ли этот центр быть в протогосударственном образовании, трудно признать качественными научными исследованиями, претендующими на решение дискуссионных вопросов истории раннесредневековой Восточной Европы. А статью В. Г. Лушина о предгосударственных образованиях, несмотря на то, что она издана в научном сборнике и оформлена как научный труд, сложно отнести к числу научных работ. Она основана на ряде бездоказательных утверждений,

субъективной трактовке источников, некорректном использовании терминологии, а также незнании (или невнимании) к историографии.

Ключевые слова: Рюрик, протогосударственные образования, Искоростень, Чернигов.

Снова о Рюрике, хронологии ПВЛ

В 2016 г. в сборнике Зимовниковского краеведческого музея «Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов» вышла статья сотрудника этого музея В. Г. Лушина «Рюрик»¹. В ней В. Г. Лушин выступил с критикой распространенной в историографии гипотезы отождествления летописного князя Рюрика с Рёриком Фрисландским и против любых попыток отождествлять летописного персонажа с историческими лицами. Как отметил О. Л. Губарев², в пользу гипотезы тождества Рюрика и Рёрика высказалось много историков³. При этом, немногие

¹Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники, 2016.

²Губарев О. Л. Рюрик Скьёльдунг. СПб, 2019. С. 24-25.

³Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 299; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 214; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193, 194; Мачинский Д. А.

отечественные авторы, выступающие против этой гипотезы - В. Е. Ямнов, В. И. Меркулов, И. Н. Данилевский и тот же Лушин – опираются на устаревшую работу Г. Ловмянского⁴. В том же году В. Г. Лушин повторно опубликовал данную работу под тем же самым названием в другом издании Зимовниковского краеведческого музея – «Историко-археологические записки. Кн. III»⁵, указав в примечании «печатается по: Лушин В. Г., 2016, с. 11-31»⁶. На следующий,

Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии фольклористики. Л., 1986; *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988; *Касиковы Х. и А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин, 1990. С. 98-109; *Свердлов М. Б.* 1) Rorik (Hrørik) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1994. С. 36-37; 2) Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 104-105; *Кирпичников А. Н.* Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997; *Войтович Л. В.* 1) Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М., 2006. С.111-121; 2) Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. № 1. 2013. С. 6-41; *Пчелов Е. В.* Рюрик. М., 2010; *Горский А. А.* «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (53). 2013. С. 38-39; *Хлебов А. А.* Еще раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2002. С. 46-47; *Атанов П. А.* 1) К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. Вып. 3. Сер. 2. 2007. С. 28-40; 2) К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. № 5. 2015. С. 90-98; *Харьковский И. А.* Происхождение Рюрика в свете уточнения дат его призвания и смерти // Valla. Т. 3. № 1. 2017. К выводу о датском происхождении Рюрика склоняется и В. В. Пузанов, отметив, что дополнительным косвенным подтверждением ее является наибольшее сходство ладожской сухой каменной крепостной кладки с аналогами из Каролингской империи (*Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 243-244).

⁴Губарев О. Л. Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // Novogardia. № 4(8). 2020. С. 5.

⁵Лушин В. Г. Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. Зимовники, 2016.

⁶Там же. С. 99. Примеч. 1.

2017 г., в новом музейном сборнике «Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I» вышла эта же самая статья В. Г. Лушина, но под иным названием и в немного сокращенном виде⁷.

В 2018 г. на эту работу последовал полемический отзыв одного из авторов этих строк – петербургского историка О. Л. Губарева, опубликованный на страницах 3 выпуска журнала «Valla» за 2018 г.⁸. О. Л. Губарев рассмотрел аргументацию зимовниковского исследователя и пришел к выводу, что она не опровергает гипотезу о тождестве Рюрика с Рёриком Фрисландским. По заключению Губарева, «выводы интересной и, несомненно, заслуживающей внимания статьи В. Г. Лушина оказываются далеко не бесспорными, а часто и противоречащими историческим данным»⁹.

Вскоре один из авторов настоящей работы М. А. Несин связался с Зимовниковским краеведческим музеем, местом работы В. Г. Лушина, для того, чтобы известить последнего о выходе отзыва Губарева, и предложил вступить в дискуссию на страницах журнала «Valla». М. А. Несин написал письмо на адрес электронной почты, указанный в одном из сборников музея как e-mail В. Г. Лушина, а оказавшийся старым адресом редакции. Несину ответили, что В. Г. Лушин не имеет возможности ознакомиться с текстом О. Л. Губарева, и от этой тематики давно отошел, положив в основу публикации свои советские студенческие наработки, чтобы не пропадать добру.

Не исключаем, что В. Г. Лушин все же ознакомился с откликом О. Л. Губарева. В 2020 и 2021 гг. в сборниках Зимовниковского музея вновь переиздается работа В. Г. Лушина о Рюрике под новыми заглавиями и с некоторыми дополнениями.

В 2020 г. в «Историко-археологическом сборнике» вышла статья «Варяги из «Заморья»,

⁷Лушин В. Г. Легенда о призвании варягов и ее главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

⁸Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря» // Valla. Т. 4. № 3. 2018.

⁹Там же. С. 85.

летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» (с. 53-75), которой и посвящена первая часть настоящей рецензии. В этой работе В. Г. Лушин в основном повторил текст своих более ранних публикаций о Рюрике, сделав несколько дополнений (которые будут по пунктам приведены и рассмотрены ниже).

В 2021 г. В сборнике «*Rossica & Slavica*. Сборник статей и материалов» выходит статья В. Г. Лушина «Приглашение варяжских князей»¹⁰, в основном повторяющая текст рецензируемой работы с некоторыми сокращениями и небольшими существенными дополнениями, которые будут нами учтены ниже. В этой статье В. Г. Лушин ссылается на работу В. М. Елиферовой о новгородском Городище, изданную в том же самом выпуске журнала «*Valla*», что и вышеупомянутый отзыв О. Л. Губарева¹¹. Таким образом, скорее всего к рубежу 2010-х и 2020-х гг. В. Г. Лушин ознакомился с откликом Губарева на его работу о Рюрике, и вышедшие в 2020 и 2021 гг. переиздания его статьи с некоторыми дополнениями представляют собой своеобразный ответ О. Л. Губареву.

Поскольку в рецензируемой статье В. Г. Лушин (как и в других переизданиях своей работы о Рюрике) в основном копирует свой старый текст, мы сосредоточимся прежде всего на уникальных дополнениях, которые приводим ниже в той же последовательности, что у Лушина. Мы в первую очередь выделим новую аргументацию, которую В. Г. Лушин добавил в данной статье, а по уже встречавшимся в прежних работах о Рюрике аргументам отошлем читателя к ранее опубликованной рецензии О. Л. Губарева¹².

1) В данной статье, вновь утверждая о географической неопределенности летописного «за море» (с. 54. примеч. 3), В.

¹⁰Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей // *Rossica & Slavica*. Сборник статей и материалов. 2021. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

¹¹Там же. С. 26. Примеч. 29.

¹²Губарев О.Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря».

Г. Лушин почему-то дополнительно привел в пример известие Повести временных лет (далее – ПВЛ) о борьбе Ярослава с Мстиславом за 1024 г., согласно которому Ярослав послал «за море по варягы». Однако, эти варяги во главе с «Якуном», «князем варяжьским»¹³ – носителем норманнского имени *Hákonr*, предположительно – норвежским ярлом Хаконом Эйрикссоном¹⁴ – безусловно, были скандинавами. Поэтому данный пример как раз свидетельствует в пользу употребления в ПВЛ оборота «за море» в качестве обозначения Скандинавии¹⁵. Можно также вспомнить в этой связи упомянутого в ПВЛ под 980 г. правившего в Полоцке отца Рогнеды (*Ragnheiðr, Ragnhildr*) Рогволода (*Ragnvaldr, Rögnvaldr*), тоже прибывшего «из-за моря»¹⁶. Как и в своих прежних работах о Рюрике, в данной статье Лушин бездоказательно утверждает, что «исторический портрет летописного Рюрика, казалось бы, указывает на невозможность отождествления родоначальника нашей правящей династии с одним из его североевропейских тезок» (с. 54)¹⁷. На безосновательность этого утверждения уже указывалось в рецензии О. Л. Губарева¹⁸. Кроме того, Лушин повторяет свой старый тезис о невозможности убедительно соотнести с данами упомянутых в ПВЛ среди скандинавских народов особых варягов – русь (с. 56)¹⁹. Однако, в рецензии О.Л.

¹³ПВЛ. СПб., 1996. С. 65.

¹⁴Подробнее об этом см.: Литвина А.Ф. Успенский Ф. Б. Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (63). 2016.

¹⁵Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 78.

¹⁶ПВЛ. С. 36.

¹⁷См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 13; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 101; 3) Легенда о призвании варягов... С. 102; 4) Приглашение варяжских князей. С. 4.

¹⁸Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79-80.

¹⁹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16 2) Рюрик //

Губарева на предыдущую работу В. Г. Лушина о Рюрике уже было отмечено, что в ПВЛ обычно перечислялись прибрежные²⁰, а не кочевые народы и то, что среди варягов не упомянуты, даны и фризы с высокой вероятностью предполагает, что для летописца они были равнозначны русью. И именно к фризским данам Рёрика наилучшим образом подходит летописное указание, что Рюрик привел собой «всю русь»²¹. Около 860-х гг. происходит переориентация направления торговли свеонской Бирки с запада на восток²². Здесь можно только согласиться с выводами самого В. Г. Лушина о том, что «все древнейшие носители имени Рёрик. происходят с территории Дании» (с. 55. Примеч. 6)²³. Появление этого имени у потомков Харальда Харфагра связано с тем, что его клан породнился а с кланом Скъёльдунгов через Тюрни, дочь Харальда Клака²⁴.

(В новейшей работе о Рюрике «Приглашение варяжских князей» Лушин

отказался от этой точки зрения, сославшись на «предположение» С. Л. Николаева о восточношведском, или древнегунтийском происхождении имени Рюрик. По словам Лушина, оно якобы «не согласуется» с отождествлением летописной руси с данами²⁵. Тут остается разве что развести руками: в указанной Лушиным работе на С. 37. С. Л. Николаев приводит древнедатскую форму данного имени, не отличавшуюся от древнешведской, а если почему-то считать, что древнешведское / древнегунтийское имя не могло распространиться на территории Дании, то кто же тогда такие были упомянутые в прошлых работах Лушина Херрик Метатель колец и Рёрик Слингебард? Но как видно для Лушина годится любой довод «против» тождества Рюрика и Рёрика, даже такой).

В своих работах о Рюрике В. Г. Лушин отмечает, что «если строго следовать тексту ПВЛ, то призывали «не кого-то персонально, то есть не специально Рюрика, а обращались «к руси в целом» (с. 55)²⁶. Можно также добавить, что Рюрик с братьями не фигурируют в качестве представителей княжеского рода. Это неоднократно отмечалось в историографии. По наблюдению Е. В. Пчелова, упомянутого Лушиным (С. 54.)²⁷, в ПВЛ не говорится о происхождении Рюрика. Как отметила М. В. Елиферова, «ниоткуда не следует, что Рюрик до прибытия в славянские земли носил высокий титул или вообще принадлежал к какой-либо династии монархов — даже ПВЛ (автор которой, в частности, настойчиво завышает статус Кия, заявляя, что тот был князем, а не паромщиком) нигде явно Рюрика и его братьев князьями не именуется»²⁸. Вместе с тем в ПВЛ княжеское происхождение Рюрика определенно подразумевалось: упрек родственника Рюрика Олега по отношению к Аскольду и Диру звучал так: ««Вы нѣста князя и не рода княжа, но азъ есмь рода княжа»

Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов... С. 104; 4) Приглашение варяжских князей. С. 7.

²⁰Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавского ун-та. — 2-е изд., испр. и доп. Варшава, 1885.

²¹Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 80-81. См. так же статью О Л. Губарева, специально посвященную летописному выражению «пояша по себе всю русь»: Губарев О. Л. «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // Valla. Т. 2. № 3. 2016. При этом скорее всего население Восточной Европы в IX в. называли *guotsi*, русью разные дружины норманнов — и свеонов и данов Рюрика (Губарев О. Л. Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // Valla. Т. 3. № 6. 2017).

²²Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World. Vol. 75 .Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017. P. 91–106.

²³См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 14. Примеч. 8; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 102. Примеч. 9; 3) Легенда о призвании варягов... С. 102. Примеч. 9.

²⁴Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

²⁵Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей. С. 7. Примеч. 4

²⁶См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 15; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 103; 3) Легенда о призвании варягов... С. 103; 4) Приглашение варяжских князей. С. 6

²⁷Примеч. 4. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 12. Примеч. 4; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 100. Примеч. 5; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 101. Примеч. 5

²⁸Елиферова М. В. Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // Valla. Т. 4. № 3. 2018. С. 99.

и, вынеся Игоря, Олег сказал: «А се есть сынъ Рюриковъ»²⁹. Этот довод оказался в буквальном смысле этого слова убийственным для Аскольда и Дира – с этими словами Олег убил их, что в источнике не подано в качестве незаконного или чрезмерно жестокого действия. Скандинавы всегда считали, что титул короля, конунга или ярла не пустой звук. Примером такого отношения является правление в Норвегии ярла Хакона Могучего, который будучи верховным правителем не принял не принадлежащий ему по праву титул конунга и оставался в звании ярла. Другим примером является убийство самозванных правителей Киева Аскольда и Дира Олегом. В этой связи вокняжение на северо-западе восточной Европы скандинава не королевского рода было крайне мало вероятно — в относительно близком к Скандинавии Поволхове такого правителя-самозванца определенно ждала участь Аскольда и Дира. В раннесредневековой Скандинавии нет примеров, когда самозванцы утверждались на троне конунга или ярла. Первый самозванец на троне который нам известен, это Сверир, правивший в XII в. Ожесточенная борьба за трон Ютландии между Скъёлдунгами и сыновьями Готфрида, конунга, строителя Датского вала, показывает, что только представители королевского рода могли занять трон³⁰. Харальд Зарфагр сместил многих независимых конунгов, убив, изгнав или сделав их своими заместителями. Но ни одного из своих приближенных и любимцев он не сделал конунгом или ярлом, поскольку претендовать на эти наследственные титулы могли только члены соответствующих династий. Трон Ютландии, а может и всей Дании может принадлежать только членам королевского рода. Пусть даже самый дальний родич, но он имеет равные права на власть с главными вождями клана³¹.

В этой связи автор ПВЛ, поставивший в заглавии вопрос «Откуда есть пошла Руская земля», очевидно, не подразумевал какое-либо иное происхождение Рюрика с братьями, от которых

«прозвася Руская земля».

Таким образом, приглашение чуди, словен, кривичей и мери касалось именно князей руси, видимо, прежде всего, старшего брата, Рюрика. (Призвание на новгородское княжение младшего брата в ПВЛ выглядит как крайний шаг, вынужденно сделанный после отказа старших братьев)³². Другое дело, что приглашающая сторона не обозначила количество родственников Рюрика, которых приглашала вместе с ним на княжение Братя со своими родами – семьями – сами «избрася»³³. Младших братьев Рюрика и их княжение в Изборске и Белоозере (где археологи не нашли убедительных следов проживания скандинавов в IX в.) большинство современных исследователей считает вымышленными, как и распространение власти Рюрика на Полоцк.

II) В данной статье В. Г. Лушин подробнее, чем во всех работах о Рюрике, приводит гипотезы авторов, склонных относить утверждение Рюриковичей в Киеве к рубежу IX–X вв. (с. 62–63), и на основе отмеченного А. С. Щавелевым отсутствия в Киеве «скандинавских древностей, маркирующих распространение скандинавов-руси», кладов дирхамов, «обозначающих пути дальней транзитной торговли», Лушин заключает, что «археологические источники дают основание согласиться с теми учеными, которые относят утверждение варягов Олега и Игоря к рубежу столетий. В таком случае Рюрик, оказавшись он в строгом соответствии с летописными данными, родоначальником древнерусской княжеской династии, должен был появиться на исторической арене значительно позже 60-х годов, ближе к концу столетия» (с. 63).

Не совсем понятно только как сдвиг появления Олега в Киеве может а priori смещать дату прибытия Рюрика на восток. К примеру, А. В. Назаренко, который «уверен в необходимости сдвинуть летописную дату начала княжения Олега в Киеве в сторону упозднения, ближе ко времени заключения договора с Византией 911 г.» (с. 62) не

²⁹ПВЛ. С. 14

³⁰*Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. P. 29–48.*

³¹*Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.*

³²ПВЛ. С. 33.

³³Там же. С 13.

торопился делать на этом основании выводов о полной недостоверности летописной хронологии правления Рюрика.

При этом Лушин несколько упрощает взгляды С. Франклина, Д. Шепарда и А. С. Щавелева. Так, А. С. Щавелев, как и вышеуказанные английские исследователи, относит ранний этап становления «плацдарма русов» на Днепре к концу IX в, ссылаясь в частности на появление в это время больших домов скандинавского типа в Шестовицах³⁴. Если утверждение варягов Олега в Киеве действительно, скорее всего, произошло уже около начала X в.³⁵, то появление в Шестовицах варяжского эмпория и дружинного лагеря в конце IX в. хронологически соответствует упомянутому в ПВЛ подчинению Олегом северян. Таким образом, утверждение варягов на юге Восточной Европы (территории будущей Руси в «узком смысле» – пусть и не в самом Киеве, а в Северщине – произошло в конце IX ст., в соответствии со сведениями ПВЛ. (При этом, подчиняя себе тех же северян, находившихся в даннической зависимости от Хазарского каганата, Олег должен был какое-то время потратить на упрочение там своего положения, прежде чем в начале X в. идти в далекий поход за Черное море к Константинополю и активно заявить о себе в Византии). Таким образом, нет оснований полагать, что сравнительно позднее превращение Киева в «мать городов русских»

³⁴Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. – 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 306-307. Здесь ученые ссылаются на аналогичное заключение С. Франклина и Д. Шепарда (там же. С. 307. Примеч. 392)

³⁵По словам А. В. Комара, «хотя целый ряд исследователей склонны связывать возникновение Подола с деятельностью князя Олега, согласно летописи, около 882 г. захватившего Киев, материалы Подола конца IX–середины X в. в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения, заставляя вспоминать об Олеге исключительно благодаря подчинению в 884–885 гг. северян и радимичей – основных носителей роменской культуры (Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.–Вологда, 2012. С. 316).

как-то свидетельствует в пользу смещения на рубеж IX–X в. вокняжения Олега на юге восточнославянской ойкумены и тем более сдвига на конец IX в. появления «родоначальника» Рюриковичей на «исторической арене». И, разумеется, ссылка Лушина на устаревшую³⁶ статью Г. Ловмянского (с. 63) не является убедительным аргументом против гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Стоит так же отметить, что В. Г. Лушин совершенно некритически приводит уже подвергавшиеся критике в историографии и не принятые большинством ученых хронологические концепции А. А. Амальрика и К. А. Цукермана³⁷ (с. 62). Сдвиг правления Рюрика и Олега в землях славян и финнов на более позднее время в работах названных исследователей, связаны с гипотезой Начального свода А. А. Шахматова. Но, как отметил О. Л. Губарев³⁸, в настоящее время эта гипотеза³⁹, как и сама концепция сводов в раннем летописании⁴⁰, подвергается все более сильной и убедительной критике (а с учетом того, что сторонниками концепции существования Начального свода была допущена оговорка что, «хотя в целом первичность НПЛ по сравнению с ПВЛ на этом участке [сообщении о Призвании варягов] кажется более вероятной ... однозначных свидетельств этого вроде бы нет (имеющиеся расхождения между текстами могут объясняться по-разному)»⁴¹ и сделаны наблюдения о вторичности новгородских летописных сообщений об Олеге и Игоре по

³⁶Губарев О.Л. Генрик Ловмянский...

³⁷Об этом см., напр.: Губарев О. Л. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (К вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования древнерусского государства) // Novogardia. № 1. 2019.

³⁸Там же. С. 37.

³⁹Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. Vol. 11. 2003;. См. так же: Горovenko А.В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли // Novogadria, № 2 (6). 2020. С. 112, 119.

⁴⁰Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2013.

⁴¹Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 48. Примеч. 11.

сравнению с ПВЛ⁴², датировать деяния Олега (и, соответственно, его предшественника Рюрика) по Новгородской I летописи младшего извода (далее – НЛ. мл) нам представляется совершенно непродуктивным). При том, кстати, сам В. Г. Лушин не является приверженцем гипотезы о существовании Начального свода, ссылаясь в своих работах на ПВЛ, а не на аналогичные известия НЛ мл. Как видно, Лушину важнее упомянуть мнения как можно большего количества авторов, датировавших вокняжение Олега в Киеве более поздним временем, чем ПВЛ. Однако такой подход к историографии представляется некорректным – научная истина не достигается большинством голосов. И добросовестному историку следует не только ссылаться на выводы, удобные для своей концепции, но обращать внимание на аргументацию и методологию предшественников.

III) В данной работе В. Г. Лушин свои рассуждения о неточности хронологии Повести временных лет (далее – ПВЛ) дополняет замечанием, что «летописная дата смерти» Игоря Старого – «6453 (945) г. – не раз ставилась под сомнение³²» (с. 63), поясняя в примечании «к чему причастен автор этой статьи, писавший о вероятности смерти Игоря около 950 года [Лушин В., 2016, с. 53; 2017, с. 129]⁴³» (там же. Примеч. 32). Таким образом, исследователь иллюстрирует свое утверждение ссылками на свои статьи «Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология» и «(903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века», в 2016 и 2017 гг. в сборниках

Зимовниковского краеведческого музея. В них автор фактически опирается на выводы А. В. Назаренко, согласно которым князь Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г. Назаренко опирался на византийский формуляр, в котором упомянуты византийские императоры Константин и Роман и некий архонт росов. При этом ученый отождествил этих императоров с Константином VII и Романом II (который, по его заключению, был коронован весной 946 г.), а безымянного архонта росов – с киевским князем Игорем⁴⁴. Вместе с тем, как отметил один из авторов этих строк⁴⁵, еще в 2009 г. аргументы А. В. Назаренко были последовательно опровергнуты А. Ю. Карповым. Во-первых, исследователь показал, что коронация Романа II состоялась весной 945 г. При этом ученый отметил дискуссионность вопроса, о том, какой именно император Роман упомянут в формуляре, сославшись на работу Г. Г. Литаврина, в которой сделаны выводы, что это был Роман I. Во-вторых, Карпов отметил, что формуляр мог быть адресован сыну Игоря, Святославу, который также носил княжеский титул. Согласно резонному заключению исследователя, «в любом случае приходится констатировать, что данные формулярника не могут быть использованы для передатировки традиционной датировки гибели Игоря»⁴⁶. Также Лушин в указанных статьях высказал мнение, что Игорь предположительно был жив и во время составления трактата Константина VII «Об управлении империей», в котором он якобы «выступает действующим князем»⁴⁷. Но эта трактовка основана на недоразумении – в действительности в трактате Святослав

⁴²Историю вопроса см: Губарев О. Л. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря?... С. 36, 40-41.

⁴³Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016. С. 53; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017. С. 129.

⁴⁴Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 261-263.

⁴⁵См. статью М. А. Несина в настоящем выпуске.

⁴⁶Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М., 2009. С. 296. Примеч. 3.

⁴⁷Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова... С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы... С. 128.

фигурирует в качестве сына «Ингора»⁴⁸, из чего никак не следует, что его отец к тому времени был жив. Таким образом, Игорь указан в нем если не «в прошедшем времени»⁴⁹, то по крайней мере не значится в качестве безусловно действующего правителя⁵⁰. (Также совершенно необоснованной представляется повторяющаяся во всех работах В. Г. Лушина о Рюрике ирония о «долгожительстве» летописного Игоря (с. 59)⁵¹. Как отметил Е. В. Пчелов: «Между тем, вызывающие вопросы хронологические указания летописи не выглядят абсолютно нереальными. В истории довольно много случаев рождения поздних детей (так, у литовского князя Ольгерда сыновья рождались, когда ему было около семидесяти лет, и чуть в меньшем возрасте был один из них, Ягайло, когда у него родился наследник Казимир Ягеллончик). Применительно же к раннему Средневековью нередки случаи активной деятельности князей в возрасте 60-ти лет и свыше: Ярослав Мудрый ходил в походы до 1047 г., когда ему было не меньше 60-ти, Владимир Мономах вступил на киевский стол в том же возрасте, а участвовал в военных походах до 64-х лет»⁵.

⁴⁸Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 5

⁴⁹Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 297. Примеч. 3.

⁵⁰Ныне А. С. Щавелев почему-то решил, что поскольку в данном трактате не упоминается смерть Игоря, то он непременно был жив в начале 950-х гг. (Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. С. 354–355). Однако с этим доводом сложно согласиться: следуя подобной логике, нужно было бы упоминание кагана Русской земли, Владимира – внука Игоря Старого – в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона XI ст. трактовать в том смысле, что Игорь дожил до XI в. Ведь в этом источнике тот, как и в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», тоже не назван покойным. И, разумеется, на основании упоминания Ярослава, деда Владимира Мономаха, в «Поучении» Владимира Мономаха тоже надо было бы заключить, что Ярослав Мудрый дожил до написания «Поучения». Таким образом, попытки опровергнуть летописную датировку смерти Игоря и отнести кончину князя к более позднему времени нам не представляются убедительными. См. также статью М. А. Несина в настоящем выпуске.

⁵¹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 21; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 109; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110; 4) Приглашение варяжских князей. С. 10.

Так что возраст Игоря и наличие у него малолетнего сына не столь уж экстраординарны для X века, как может показаться на первый взгляд (то же самое относится и к Рюрику))⁵². Нужно отметить, что Лушин постоянно подводит попытка рассуждать «от здравого смысла». К сожалению, в исторической науке этот подход часто не работает. Из рассуждений В. Г. Лушина о хронологии ПВЛ следует, что он неявно вслед за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым считает летописца литератором, конструирующим летопись их каких-то своих соображений. Как отметил О. Л. Губарев в своей рецензии на более раннюю работу В. Г. Лушина, «В своем предположении, что летописец мог работать как литератор и вводить «авторский текст», Лушин следует за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, считавшими летописца способным на свободное литературное творчество. Это допущение А. А. Шахматова критиковалось неоднократно историками, в том числе С. А. Бугославским, И. П. Ереминым, Н. И. Данилевским, утверждавшими, что монах-летописец не был литератором в нашем понимании этого термина»⁵³. Согласно И. Н. Данилевскому летописец XI в. был монахом, писавшим свой отчет о событиях Богу и не мог выдумывать и заниматься литераторством⁵⁴.

Стоит так же учесть аргумент Е. В. Пчелова, что «если уж создателю Повести временных лет было необходимо сконструировать линию прямой преемственности и прямой генеалогии, он мог бы легко сделать Игоря сыном Олега, а Олега — сыном Рюрика»⁵⁵.

Да и многие другие выводы В. Г. Лушина о характере датировок ПВЛ (повторяемые, в частности, во всех его работах о Рюрике) не являются убедительными. Например,

⁵²Пчелов Е. В. Олег Вещий. М., 2018. С. 17

⁵³Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79.

⁵⁴Данилевский И. Н. «Добру и злу внимая равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России. № 3 (6). 1995.

⁵⁵Пчелов Е. В. Олег Вещий. С. 15.

нумерологическую концепцию происхождения летописных дат следует признать искусственной⁵⁶. Также трудно согласиться с встречающимся во всех работах Лушина о Рюрике утверждением, что, датируя призвание варягов 6370 (862) г., летописец заботился исключительно о том, чтобы указать «круглую дату» от Сотворения мира (с. 59, примеч. 18)⁵⁷. Ведь далеко не все события в ПВЛ имеют круглую дату. К примеру, смерть Рюрика, как это известно Лушину (с. 56)⁵⁸, отнесена к 6387 (879) г.⁵⁹. Впрочем, примеры подобных утверждений В. Г. Лушина, дающие основания заподозрить его в тенденциозном и небрежном отношении к источникам, можно множить⁶⁰.

⁵⁶См., напр: Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 636-638; Неретин Ю. А. Нумерология Киевской Руси. URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (дата обращения: 10. 11. 2021). Примечательно, что даже А. П. Толочко и его ученик В. Ю. Аристов, разделяющие нумерологический подход к происхождению дат ПВЛ, не все выводы В. Г. Лушина признают надежными и убедительными (Толочко О. П. [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010 // Ruthenica. Т. X. 2011; Аристов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ // Ruthenica. Т. XI. 2012).

⁵⁷См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 22. Примеч. 31; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 110. Примеч. 32; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110. Примеч. 32; 4) Приглашение варяжских князей. С. 11

⁵⁸См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 105; 4) Приглашение варяжских князей. С. 7.

⁵⁹ПВЛ. С. 14.

⁶⁰Так, чтобы показать ненадежность варяжской легенды, В. Г. Лушин во всех статьях о Рюрике заявляет, что составитель ПВЛ не знал о существовании народа русь до второй половины IX в., в то время как Баварский географ и Бертинские анналы упоминают русов в более раннее время (с. 59, примеч.

Другое дело, что В. Г. Лушин верно отмечает неточность ранней хронологии ПВЛ, на что, впрочем, уже не раз обращали внимание историки. Но при этом он почему-то считает, что «признавая тождественность Рюрика и Рёрика исследователи должны были бы признать и высокую степень точности ранних летописных дат» (с. 58) и уделяет целые страницы рассуждениям о хронологии ПВЛ, чтобы показать искусственность даты призвания Рюрика. Хотя, из неточности хронологии ПВЛ вовсе не следует, что летописец не мог указать правильно отдельные даты.

Отметим, что Лушин в своих статьях о Рюрике сам себе противоречит: в начале работ он заявляет: «Существенным «противопоказанием» совмещению одним

18. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 21-22. Примеч. 30; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 109-110. Примеч. 31; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110. Примеч. 31; 4) Приглашение варяжских князей. С. 10. Примеч. 10) В действительности сведения этих источников не противоречат друг другу. ПВЛ не сообщает о появлении руси в 6370 (862) г., славяне и финноугры имели дело с уже существующим этносом. А Бертинские анналы и Баварский географ не упоминают правление династии русов в Восточной Европе. Вероятно, эти источники отражают разные этапы взаимоотношений руси с восточноевропейским населением. В первой половине IX в. собирали дань, а в середине – второй половине утвердили свою династию. Это можно проиллюстрировать примерами образования норманнских королевств, в которых утверждению правителей предшествовали вторжения с целью собрать дань и пленников. И, конечно, стоит упомянуть гипотезу Лушина, повторяемую во всех его работах о Рюрике, что «миролюбие» летописного Рюрика, не ведущего войн, списано с призванного киевлянами незадолго до составления ПВЛ Владимира Мономаха (с. 57. Примеч. 9. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16-17. Примеч. 12; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104-105. Примеч. 13; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 105. Примеч. 13; 4) Призвание варяжских князей. С. 8) Такую мысль, даже в форме допущения, мог сделать только человек, невнимательно относящийся к сведениям ПВЛ. В противном случае В. Г. Лушин не мог бы не заметить, что мирное правление Мономаха в Киеве не исключало ведения войн с соседями.

лицом ролей двух исторических персонажей – Рёрика и Рюрика – является (если вовсе не брать во внимание отмечавшуюся выше мифологизированность образа новгородского князя и заметную искусственность летописного известия о нем) проблема хронологического свойства» (с. 58)⁶¹ – точности датировок ПВЛ. А в конце работы пишет: «Если пытаться искать некую достоверную историческую основу сказания о призвании варягов и Рюрика, то в свете имеющихся сейчас в распоряжении исследователей археологических данных ею можно признать только присутствие во второй половине IX (sic! – авт.) – X в. скандинавов, в том числе военизированной элиты, на территории будущей Новгородской земли и создание ими укрепленного военно-административного центра у истоков реки Волхов» (с. 71)⁶².

Таким образом, В. Г. Лушин сам отмечает появление варягов на территории «будущей Новгородской земли» и создание ими укрепленного центра в истоке Волхова – на Городище во времена Рёрика Фрисландского, в соответствии с летописной датировкой варяжской легенды. (Не ясно, в чем же тогда, по логике Лушина, заключается «существенное противопоставление» гипотезе о тождестве Рюрика и Рёрика? – авт.) Таким образом, неоднократно споря с учеными, якобы «непоколебимо верящими» в достоверность даты вокняжения Рюрика и уверенными в «полной (или почти полной) непогрешимости летописной хронологии Рюрикова княжения» (с. 59, 61), В. Г. Лушин сам оказывается в числе большинства исследователей, считающих, что летописное призвание варягов 862 г. находит некоторое подтверждение в археологических данных о появлении в это время варяжского

укрепленного центра (Городища) в верховьях Волхова⁶³. При этом Лушин, по-видимому,

⁶³Основные выводы известной ему работы М. В. Елиферовой об отсутствии на Городище следов скандинавской княжеской резиденции В. Г. Лушин игнорирует. А между тем М. В. Елиферова привела не менее серьезный довод против достоверности летописной варяжской легенды о новгородском княжении Рюрика в IX в., чем Лушин. Как нам кажется, выводы М. В. Елиферовой не закрывают вопроса о характере укрепленного поселения на Городище в IX, но заслуживают внимания. Действительно, на территории Городища в ходе археологических раскопок не было найдено «княжеской инфраструктуры» в виде «медового зала». (Елиферова М. В. Рюриково городище... С. 88-89). Исследовательница также отметила отсутствие находок «предметов княжеской роскоши», не исключая, впрочем, что «эту проблему можно было бы также списать на элемент случайности (не сохранилось, не нашли и т. д.)» (Там же. С. 88). М. В. Елиферовой возразила Н. И. Платонова, заявив, что «Относительную «бедность» памятников древнерусской элиты по сравнению с северогерманской следует, во-первых, принять как данность, во-вторых, серьезно поразмышлять над ее интерпретацией. На мой взгляд, за ней стояла не только сравнительная аскетичность живой культуры, но и особенности археологизации материала, имевшие в основе устойчивый комплекс традиций местного населения севера Восточной Европы. Неприменимость к Северной Руси тех критериев элитарности, которые выработаны на материалах западноевропейского раннего средневековья, констатировалась неоднократно (Платонова, 2017. С. 12-14).» (Платонова Н. И. Рюриково городище в контексте новых исследований. Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. // Российская археология. № 2. 2019. С. 192-193). Однако, «археологизацию материала» (которая в работах Платоновой относится к погребальным памятникам) навряд ли стоит однозначно экстраполировать на имущество живых людей. К тому же представление исследовательницы о бытовании «некой специфики духовной культуры раннесредневековых славян, не позволяющих снабжать умершего погребальным инвентарем, подчеркивающим знатность, богатство» серьезно оспорено В. Г. Лушиным (с. 69-71). Между тем обе исследовательницы не приняли во внимание, что раскопки в центральной части Городища (на которой, по мнению Е. Н. Носова, А. В. Плохова и Н. В. Хвоцинской, находился княжеский двор (Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., 2017. С. 120.)) по объективным причинам не затрагивали территорию кладбища при церкви Благовещения (там же. С. 14, 104. 243). Кто знает, какие постройки IX в. с каким инвентарем находились на месте церкви и кладбища? Кроме того, М. В. Елиферова отметила отсутствие

⁶¹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 15; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 106; 4) Приглашение варяжских князей. С. 9.

⁶²См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 29; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 117; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 117; 4) Приглашение варяжских князей. С. 25. В последней работе упоминание о создании скандинавами укрепленного военно-административного центра в истоке р. Волхов отсутствует.

несколько карикатурно представляет себе современную историографию – никто из серьезных современных исследователей не считает летописную хронологию ПВЛ за IX в. абсолютно точной и не утверждает, что летописная «варяжская легенда» полностью претендует на документально точное описание вокняжения Рюрика на северо-западе Восточной Европы. Да и летописную дату призвания Рюрика основным аргументом в пользу частичной историчности варяжской легенды и гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского.

IV) В данной работе В. Г. Лушин пространнее, чем в прошлых статьях о Рюрике, отмечает, что в трактате Константина Багрянородного об управлении империей «упоминаются представители только двух поколений архонтов росов – Игорь и его сын Святослав» (а точнее – Святослав, сын Игоря – *авт.*), допуская, что «тому могут быть разные причины – от недостатка информации до придания «делам венгерским» много большего значения, чем русским», а не обязательно потому, что «знакомые византийскому императору киевские росы – образование совсем молодое, правящий род которого и не уходил в прошлое глубже двух поколений» (с. 63-64).

Таким образом, исследователь признал, что этот факт не может служить убедительным аргументом «против» Рюрика. Впрочем, при прочтении работ В. Г. Лушина о Рюрике не трудно заметить, что подобных

неоднозначных аргументов в работе Лушина много. Очевидно, Лушин сам не очень уверен в доказательности полной неисторичности летописного Рюрика, если использует целый ряд столь неоднозначных доводов⁶⁴. Правда, в этом случае упреки в подмену научной работы верой, наверное, стоит переадресовать ему самому.

V а) В данной работе Лушин сослался на заключение И. Яниссен, что археологические источники не свидетельствуют о наличии знати в большей части Восточной Европы IX в., и мнение В. В. Пузанова, что славяне существенно отставали от некоторых соседей (в том числе скандинавов) по уровню металлообработки и их оружие не сильно усовершенствовалось с антских времен, а также на выводы Р. Я. Минасяна о низком уровне металлообрабатывающего производства восточных славян (с. 66).

V б) В данной работе В. Г. Лушин более пространно, чем в прошлых статьях о Рюрике, высказал важные замечания об отсутствии археологических данных о сильной социальной дифференциации населения лесной зоны Восточной Европы ««дорюриковой» эпохи» (с. 69-70) и обоснованно возразил против гипотезы Н. И. Платоновой о существовании «некой специфики духовной культуры раннесредневековых славян, не позволяющих снабжать умершего погребальным инвентарем, подчеркивающим знатность, богатство» (с. 69-71)⁶⁵. (Это согласуется с

следов княжеского некрополя у Городища (*Елиферова М. В.* Рюриково городище... С. 90-91). Однако из этого обстоятельства нам кажется преждевременным делать далеко идущие выводы. Поиски древнейшего могильника Новгорода также являются насущной и пока что нерешенной задачей (*Петров М. И., Соболев В. Ю.* Город живых и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (18–20 апреля 2017 г.). М.–Псков, 2018). И заданный в 1969 г. В. Л. Яниным с известной долей юмора вопрос «умирали ли древние новгородцы?» (*Янин В. Л.* Таинственный X век // Знание – сила. № 2. 1969) до сих пор не получил ответа.

⁶⁴В своих старых публикациях работы о Рюрике Лушин по поводу еще столь же неоднозначного предположения сделал оговорку – «если это не плод нашего воображения» (*Лушин В. Г.* 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 13.; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 101; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 101). В действительности это и был именно плод воображения автора (*Губарев О. Л.* И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79).

⁶⁵Другое дело, что Лушин при этом постулирует давно устаревшее представление о сопках как о коллективных захоронениях (с. 69, примеч. 45. Ср., напр.: *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII–X вв. //

выводами одного из автора этих строк, также отмечавшего отсутствие данных о наличии у восточных славян в это время богатой знати и при оценке уровня общественного развития восточных славян лесной полосы опирающегося на те же наблюдения Р. Я. Минасяна о низком уровне металлообработки и данные о примитивном вооружении у восточных славян)⁶⁶.

Другое дело, что В. Г. Лушин почему-то приводит эти доводы в качестве бесспорного доказательства отсутствия в Приильменье «престола», на котором должен был бы править летописный Рюрик. Как и в прошлых работах о Рюрике, в данной статье В. Г. Лушин не приводит никаких четких критериев подобного «центра»: не отрицая наличия в изучаемый период в Приильменье укрепленных поселений, хотя упоминая лишь некоторые из них⁶⁷, отмечает их

Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 141). Вместе с тем трудно признать достаточно обоснованной и распространенную интерпретацию сопки как могилы знати. По расчетам исследователей, возведение сопки требовало сотни «человекоднев», это обстоятельство «было существенной причиной того, что исследователи нередко видели в сопках памятники социальной верхушки, безотносительно к ее этнической принадлежности» (*Конецкий В. Я. Новгородские сопки... С. 141*). Однако, стоит отметить, что не все исследователи считают элитарный характер сопки доказанным (*Еремеев И. И. Новгородские сопки и курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб., 2007. С. 242-243*). Следует также обратить внимание на замечание В. В. Пузанова: «О том, насколько упрощенными могут являться наши представления о реалиях глубокой древности, свидетельствует история изучения монументальных объектов. Едва ли не аксиомой являлось положение, согласно которому возводить подобные сооружения могли лишь сложные, иерархически устроенные цивилизации. Однако раскопки... монументального комплекса Гебекли-Тепе... переворачивают устоявшиеся представления: эти монументальные сооружения были возведены охотниками, не знавшими земледелия и ведущими полукочевой образ жизни» (*Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск, 2011. С. 52*)

⁶⁶Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.

⁶⁷Например, городища Бронницкое, Городок на

малочисленность (с. 67-68), не сообщая, сколько городков должно иметь «предгосударственное образование, способное содержать наемную дружину... или представителя заморской династии». Впрочем, в другой работе В. Г. Лушин, повторяя те же слова об укрепленных поселениях Приильменья⁶⁸, пишет: «Что же касается городских поселений, их обязательность представляется излишней модернизацией. Урбанизация и политогенез не всегда находятся в одной связке, что можно проиллюстрировать конкретными примерами» (и в качестве примеров приводит государство зулусов и «догосударственные древности» тюрингов с отсутствием городов, и Скандинавию с наличием считанных городских поселений)⁶⁹. Поэтому его утверждения об отсутствии на северо-западе Восточной Европы подобного центра оказываются несколько беспредметными.

К тому же в данном сборнике в статье о предгосударственных образованиях на Руси Лушин утверждает об отсутствии у древлян «политических центров» и не пишет о сильной социальной дифференциации общества, считая при этом, что Древлянская земля уже была предгосударственным образованием, а князь Мал «распас» Древлянскую землю (с. 76-79). Если князь Мал, по логике В. Г. Лушина, занимался обустройством земли без политического центра, то почему Рюрик не мог править словенами и их союзниками без политического центра? Очевидно, В. Г. Лушин сам не имеет ясных представлений о том, что можно, а что нельзя считать политическим центром, необходимым для раннесредневекового князя, и насколько далеко должен к этому времени зайти процесс социальной дифференциации. Для него важнее высказать сомнение в достоверности летописного предания о Рюрике. Это, мягко говоря, очень сильно снижает впечатление о статье Лушина как о научной работе.

При этом в своих работах о Рюрике

Маяте в восточном Приильменье.

⁶⁸Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей. С. 15.

⁶⁹Там же. С. 26-27.

Лушин фактически исходит из совершенно необоснованного представления, что «летописный Рюрик» относится к числу «устроителей государства» (с. 53) и отсутствие в Поволхвье до второй половины IX в. убедительных признаков предгосударственного образования таким образом, как бы вступает в непримиримое противоречие с летописными сведениями о Рюрике. Между тем, на самом деле ПВЛ отнюдь не изображает Рюрика правителем однозначно сложившегося государства – учреждение такого неотъемлемого признака государственности как более-менее сложившейся системы налогообложения – «устави дани» (в том числе с подвластных в свое время Рюрику новгородских словен) в ПВЛ приписывается не Рюрику, а уже его преемнику Олегу⁷⁰. К слову, далеко не все исследователи, считающие что Рюрик и его варяги существенно поспособствовали образованию государственности в Восточной Европе, находят восточнославянские земли до появления Рюрика стоящими на пороге возникновения государственности, а возглавляемое Рюриком образование – государством. Например, по мнению М. Б. Свердлова, при Рюрике возникло лишь «потестарное государство» – переходный этап между «племенными княжениями» и «государством»⁷¹; а согласно точке зрения одного из авторов этих строк, О. Л. Губарева, восточнославянские земли до Рюрика не достигли предгосударственного уровня общественного развития, а протогосударство с предпосылками к образованию государства сложилось уже при Рюрике⁷².

Исходя из бездоказательного мнения, что призвание (даже в качестве наемника) иноземного правителя требовало у приглашающей стороны наличия дружины и воинской культуры (с. 54, 66, 71), Лушин тем не менее считал «более вероятным»

«сценарий» «прихода чужеземцев к управлению социумами» вроде прихода к власти у западных славян иноземного купца Само (с. 65). Однако, согласно упомянутой исследователем Хронике Фредегара, Само, как известно, был избран славянами за то, что возглавил восстание против аварского каганата. Но есть ли серьезные основания утверждать, что это как-то существенно отличалось от летописного призвания словенцами и их соседями на княжения варягов из народа русь вскоре после того как сами изгнали иных варягов, взимавших с них дань⁷³?

Таким образом, стоит признать, что новые доводы В. Г. Лушина «против» возможности гипотетически отождествить летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским не представляются убедительными. А работы В. Г. Лушина о Рюрике с произвольными трактовками источников, априорными суждениями, рядом неоднозначных аргументов, нечетким представлением о том, что можно считать политическим центром и должен ли этот центр быть в протогосударственном образовании, трудно признать качественными научными исследованиями, претендующими на решение дискуссионных вопросов истории раннесредневековой Восточной Европы.

Впрочем, и опубликованная в том же выпуске другая рецензируемая статья Лушина – «О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях» – выполнена не на более высоком научном уровне.

⁷³М. Б. Свердлов предполагает, что исторической основой легенды о призвании варягов стало «избрание» словенцами и их союзниками на княжение Рюрика (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 105), которого ученый склонен отождествлять с Рёриком Фрисландским (там же. С. 104-105). Избрание Рюрика ученый сравнивает с избранием западными славянами «франка Само» (там же. С. 105). Ученый отмечает, что такой способ обретения князя относился к древней племенной традиции и качественно отличался от избрания князей в Новгородской республике, но не поясняет, почему призвание исключало избрание (там же).

⁷⁰ПВЛ. С. 14.

⁷¹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 120.

⁷²Губарев О. Л. 1) Рюрик Скьельдунг; 2) К дискуссии о племенных союзах....

В ней тоже есть отдельные верные наблюдения.

Можно согласиться с аргументами В. Г. Лушина в пользу датировки черниговского кургана Черная Могила 980–1025 гг.: «Недавно выяснилось, что кремнированные костные остатки из этого кургана не пригодны для определения их возраста в связи с практически полной минерализацией, но анализ фрагментов угля из погребального костра позволяет получить интервал календарного возраста 980 – 1025 гг. [Шишлина Н. И. и др., 2017, с. 399]... Новая дата памятника подкрепляется переатрибуцией «большого» меча другому типу, ставшей возможной после расчистки его рукояти. С. Ю. Каинов обосновывает принадлежность оружия к типу Wallingford¹¹, являющемуся развитием типа L по Я. Петерсену [Каинов С. Ю., 2019, с. 133]. Три наиболее близких черниговскому мечу английские находки датируются в рамках конца X – XI в. [там же, с. 137]» (с. 80).

Наконец, В. Г. Лушин сделал интересное сравнение крупных черниговских курганов с «королевскими курганами Упсалы, возведенными в VI–VII вв., и двумя монументальными насыпями в Еллингге в центральной Ютландии (X в.)» (с. 83).

Но, к сожалению, с основными положениями и выводами автора трудно согласиться. Они нередко делались на основе некорректных трактовок источников, игнорировании историографии, априорных суждений и неудачном использовании терминологии.

О «предгосударственных» образованиях, «параполитейном» древлянском «княжестве», отсутствии у древлян «политических центров»

В основе статьи В. Г. Лушина лежит бездоказательное утверждение, «что концепция изначально единой Руси противоречит реалиям зарождения раннесредневековых европейских предгосударственных образований (в том числе и части славянских), возникающих, как правило, в процессе объединения нескольких ранее самостоятельных центров власти» (с. 77). Исследователь ссылается на свою более раннюю работу, в которой эта мысль тоже фактически не аргументируется⁷⁴.

⁷⁴Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 25. Примеч. 39. Сделанную автором глухую ссылку на «сведения о трех центрах русов, восходящие к утраченному труду ал-Балхи», затруднительно отнести к аргументации по существу,

Впрочем, в данном случае мы имеем дело с опиской или, во всяком случае, с недосказанностью: в рецензируемой статье речь идет о «древнерусском государстве» (с. 76), сложившемся из «предгосударственных» «общностей», «образований», «полностью», или «в значительной мере», «полностью, или частично», независимых от Киева (с. 76, 77, 79–80). Автор выделяет два таких предгосударственных образования – древлянский Искоростень князя Мала до середины X в. (с. 77–80) и Чернигов второй половины X – первых годов XI ст. (с. 78–80) (или, если точнее – Чернигов второй половины X – первых годов (или точнее – первой четверти – *авт.*)⁷⁵ XI ст., а эти предгосударственные общности и Лушиным не рассматриваются как совокупность из нескольких отдельных центров.

Впрочем, представление о том, что государство должно образовываться из независимых предгосударственных образований, тоже является совершенно бездоказательным – автор его нигде не обосновывает.

При этом исследователь не объясняет, почему Искоростень и Чернигов в интересующие его хронологические периоды находились именно на предгосударственной, а не просто догосударственной или же раннегосударственной стадии развития, хотя в опубликованном в научном сборнике статье о предгосударственных образованиях это было сделать необходимо. Тем более что Искоростень и Чернигов в работе Лушина не выглядят однозначно идентичными в плане социально-политического развития.

Так, у древлян первой половины X в. Лушин не признает наличие «политических центров», скептически относится к летописным сведениям о древлянских городах и знати и не выявляет признаков заметного социального расслоения

поскольку она никоим образом не иллюстрирует общеевропейские закономерности, да и к тому же не раскрывает реальные взаимоотношения этих трех центров русов: примечательно, что в рецензируемой работе автор уже не приводит ее в качестве иллюстрации общеевропейских путей политогенеза (с. 77) и даже об образовании Руси из нескольких центров русов в обеих работах пишет в форме предположения (Лушин В. Г. 1) Рюрик. С. 25. Примеч. 39; 2) С. 77.)

⁷⁵Если принять верхнюю датировку черниговского кургана Черная могила 1025 г., который Лушин относит к одному из погребений «автономных или независимых» от Киева «правителей» (с. 84), то в рамках концепции Лушина существования черниговского предгосударственного образования стоит отнести ко второй половине X — первой четверти, а не первым годов XI в.

общества (с. 78-79). Разве что найденные археологами некоторые элитарные предметы вслед за А. П. Толочко автор склонен предположительно объяснять результатом внешней торговли с вовлеченностью местной элиты в экспорт рабов (с. 79). В чем же заключается предгосударственный характер такого общества? В предполагаемой причастности местной элиты к экспорту рабов? Но ведь работорговля присуща политическим общностям, находящимся на разных уровнях развития, и не является строгим маркером той или иной стадии политогенеза. Повествуя о Чернигове, В. Г. Лушин много внимания уделяет крупным курганам, которых считает уникальными для Руси, сравнивает с королевскими могилами Скандинавии и относит к захоронениям местных «правителей» (с. 83-84). Но при этом не уточняет, являлись ли эти курганы, по его мнению, маркером предгосударственной стадии развития Чернигова и если да, то почему. Хотя эти курганы, выделяющиеся по размеру среди прочих многочисленных черниговских погребальных памятников, как раз могут быть признаками значительной дифференциации общества, присущей раннему государству.

Похоже на то, что для Лушина не имеет значения, на каком уровне социально-политического развития находились Искоростень в первой половине X и Чернигов во второй половине X – начале XI в.: главное, что, по его мнению, они были в этот период в значительной мере независимыми от Киева. Однако, при таком подходе появление государств в Германии и Италии можно было бы отнести к XIX в., а все существующие на их территории многочисленные отдельные политические образования походя объявить предгосударственными. Фактически подход В. Г. Лушина напоминает концепцию советского историка Н. Ф. Котляра, объявлявшего «окняжением» покорение киевскими князьями различных восточнославянских общностей⁷⁶. Но, казалось бы, сейчас уже, занимаясь проблемами восточнославянского политогенеза, можно не

следовать априорным схемам, а предметно выявлять или по крайней мере четко оговаривать критерии того или иного – в данном случае предгосударственного уровня политического развития.

Видимо, отдавая дань распространенной с советского времени характеристике восточнославянских образований как княжеств, Лушин походя использует это слово при характеристике «древлянского искоростеньского княжества» (с. 79), несмотря на то, что ПВЛ не дает никаких оснований считать власть древлянских князей монархической, термин «княжество» появляется в источниках уже за пределами домонгольского периода, и ныне далеко не все историки считают правомерным его употребление применительно к монгольской Руси. Так, А. А. Горский отмечает позднее появление этого термина в источниках и считает его нехарактерным даже для XII в.⁷⁷, не то что для первой половины X. Один из авторов этих строк показал, что термин «княжество» возник уже после Батыева нашествия, в XIV в. в Северо-Восточной Руси в связи с усилением княжеской власти и ослаблением веча: в начале XIV в. слово «вечник» приобрело значение «мятежник», и если в конце XIII в. в летописании Северо-Восточной Руси еще бытовало старое понятие городской «волости», то во второй половине XIV в. фиксируется термин «княжество», достаточно определенно обозначавший сложившуюся в регионе к тому времени форму правления⁷⁸. Безоговорочное употребление термина «княжество» применительно к более ранним векам стоит признать анахронизмом. Не исключено, что в данном случае речь идет о случайной ошибке, которую иногда по старой привычке невольно делают современные профессиональные исследователи средневековой

⁷⁷Горский А. А. Русское средневековье. М., 2010. С. 45-46.

⁷⁸Несин М. А. 1) Вече в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия // Европа в Средние века и раннее Новое время, общество, власть, идеология и культура. Материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых: Ижевск, 2-3 декабря 2013 г. Ижевск, 2014. 158; 2) Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. № 6. 2016. С. 72.

⁷⁶Об этом См.: Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

Руси⁷⁹. Однако, в современных работах, специально посвященных проблеме политогенеза, стоит внимательнее относиться к политической терминологии. Но примеры ее некорректного использования в работе Лушина можно множить. Так, принимая «мнение» А. П. Толочко о вовлеченности древлянской элиты в экспорт рабов, автор совершенно бездоказательно заявляет, что «применительно к середине X века в пору говорить о паразитичности (! – *авт.*) становления древлянского искоростеньского княжества» (с. 79). Между тем паразитами называются образования, обязанные своим возникновением не внутренним факторам развития, а исключительно участию в крупной внешней торговле⁸⁰. И никто из исследователей древней Руси – в том числе и тот же А. П. Толочко – автор известной концепции возникновения древнерусского государства из корпорации, занимающейся работорговлей, не доходил до сравнения восточнославянских общностей с паразитами; тем более что в рамках концепции Толочко, поддержанной Лушиным (с. 79) – у восточных славян, тех же древлян, уже сформировалась собственная элита, вовлеченная русами в экспорт рабов. Так что безоговорочное употребление понятия паразитичности применительно к древлянам является совершенно некорректным, в том числе и в рамках поддержанной Лушиным концепции А. П. Толочко.

Также стоит признать совершенно неправомерным утверждение В. Г. Лушина об отсутствии у древлян «политических центров», на основе скромных размеров городищ на территории современного г. Коростень (с. 78-79). В исторической науке было установлено, при каких размерах городища могли, а при каких не могли стать политическими центрами. И сам В. Г. Лушин не предложил подобных критериев. Таким образом, его утверждение об отсутствии у древлян в первой половине X в. политических центров повисает в воздухе. Вместе с тем после разрушения в середине

X в. древлянского Искоростеня – Городища I с посадом – в окрестностях так и не появилось полноценного древнерусского средневекового города. А во второй половине X в. центр княжения уже был в Овруче, в котором сидел Рюрикович – сын киевского князя Святослава Олег. Вероятно, Овруч был древнерусским новообразованием, основанным киевскими властями во второй половине X в. Археологические разведки на территории Овруча не выявили слоев, предшествующих второй половине X в., и каких-либо памятников древлянской лука-райковецкой культуры⁸¹ (да и вообще со второй половины X в. на территории бывшей Древлянской земли – нын. Житомирский области Украины – в погребениях обнаруживаются древнерусские, а не лука-райковецкие керамические изделия)⁸². Во всяком случае, киевляне не ограничились разрушением древлянского Искоростеня и упразднением древлянской княжеской династии, а перенесли столицу в другое место. Не значит ли это, что современники воспринимали Искоростень именно как политический центр Древлянской земли?

В. Г. Лушин скептически относится к сведениям ПВЛ о древлянских градах, о древлянских князьях, распавших землю, знатных – лучших, нарочитых мужах. Но вместе с тем исследователь безоговорочно доверяет летописным сведениям о князе Мале и даже не сомневается, что он распасал Древлянскую землю (с. 77-78), несмотря на то, что в ПВЛ князь Мал в данном контексте не фигурирует, зато летописец вкладывает упоминания о распасании земли в уста древлянских лучших мужей и относит не к одному Малу, а к древлянским князьям во мн. ч.⁸³

Казалось бы – при столь критическом подходе к известиям ПВЛ о социальном устройстве древлянского общества, к упоминаниям князя Мала стоило бы относиться с большей осторожностью, как к сообщению ПВЛ о князе Кие или по крайней мере про ту ровского правителя Тура, на счет которого тот же Лушин задался вопросом: «вдруг это персонаж, вроде летописного Кия?» (с. 77).

Но В. Г. Лушин, в ряде своих работ

⁷⁹К примеру, П. В. Лукин, соглашаясь с наблюдениями А. А. Горского о позднем появлении термина «княжество» (Лукин П. В. Великий Новгород // Slověne = Словѣне. № 2. 2018. С. 385), ниже на той же странице сам походя употребил термин «княжество» применительно к домонгольским южнорусским образованиям (там же. Примеч. 2).

⁸⁰Попов В. А. Паразитичность как вариант становления вторичной государственности в преколониальной Западной Африке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2 (К 60-летию проф. Е. А. Шинакова). Брянск, 2008.

⁸¹Историю вопроса см.: Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 326.

⁸²Там же.

⁸³ПВЛ. С. 27.

демонстрирующий критическое отношение к ПВЛ, в тех случаях, когда всё-таки опирается на нее, почти всегда делает это совершенно безоговорочно, не объясняя, почему на этот раз сведения столь непростого источника достоверны и надежны. Пожалуй, единственным исключением является летописное сообщение о разрушении Искоростеня в 946 г., которое В. Г. Лушин считает «засвидетельственным» «археологическими раскопками» (с. 78).

Впрочем, и критику Лушиным сведений ПВЛ о древлянах трудно признать убедительной.

По утверждению В. Г. Лушина, «летописные упоминания древлянских мужей, «лучших» и «нарочитых» князей во множественном числе не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени. Автор ПВЛ писал на языке, впитавшем не только обозначения ступеней стратификации общества своего, более позднего времени (начала XII столетия), но и отдельные слова и речевые обороты из древнеславянских переводов библейских текстов и византийских хроник, служивших образцами для древнерусского книжника. Выявляются библейские параллели и в речи к Ольге древлянского посольства из статьи 6453 (945) г. [Вилкул Т., 2015, с. 320, 321, 327]» (с. 79).

Между тем приведенные в указанной статье Т. Л. Вилкул параллели речи древлянских послов с выдержками из книги пророка Иезекииля в действительности являются далеко не бесспорными. Дело в том, что сравнение киевского князя Игоря с волком в ПВЛ встречается и выше, в сообщении о принятом древлянами решении убить князя: «Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то относить по единой все стадо, аще не убьютъ его, тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»»⁸⁴. Поэтому следует полностью согласиться с М. Б. Свердловым, что

летописная речь древлянских послов от имени Древлянской земли, в которой Игорь вновь сравнивается с волком – расхитителем и грабителем, в противоположность добрым древлянским князьям, распасшим Древлянскую землю⁸⁵, является непосредственным развитием этой мысли⁸⁶, а не компиляцией из противоположных по смыслу библейских сюжетов. При этом в процитированных Т. Л. Вилкул библейских фразах не фигурируют лучшие и нарочитые мужи. Поэтому нет оснований полагать, что летописец сконструировал упоминаемые им социальные группы древлян под впечатлением от привлеченных Вилкул выдержек из книги пророка Иезекииля⁸⁷.

В другой работе Т. Л. Вилкул находит некоторые параллели двум летописным известиям о древлянах в древнерусском переводе византийской хроники Г. Амартола.

Во-первых, Т. Л. Вилкул сравнила летописное обращение Ольги к древлянам: «добрѣ гостѣ придоша» с оборотами «добрѣ придоша друзи» и «добрѣ да приде честныи»⁸⁸.

Впрочем, эти параллели тоже не бесспорны: слова «добрѣ» и «придоша» были не настолько уникальными в древнерусских источниках, чтобы их можно было только заимствовать из не похожих по смыслу переводных текстов. При этом в данных фрагментах хроники Амартола опять же не упоминаются социальные категории, сходные с летописной древлянской элитой.

Во-вторых, ниже Т. Л. Вилкул провела более удачную параллель рассказа ПВЛ уже об избиении и порабощении древлянских горожан неясного социального статуса со сведениями хроники Амартола о такой же участи иереуслимских нарочитых мужей.

⁸⁵Там же.

⁸⁶Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88.

⁸⁷Ср: Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. К., 2015. С. 327.

⁸⁸Вилкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015. С. 122.

⁸⁴Цит. по: ПВЛ. С. 27.

Летописный текст: «и прочая люди овыхъ изби. а другия работе предасть мужемъ своимъ», – действительно является парафразом из перевода хроники Амартола: «овехъ же умрѣти, другихъ работе предасть княземъ своимъ»⁸⁹. Но было бы натяжкой домысливать, что русский летописец сконструировал погубленных в Киеве Ольгой древлянских послов из среды нарочитых, лучших мужей по образу иерусалимских нарочитых мужей, захваченных при взятии города.

Кроме того, делая весьма ответственное заявление, что летописные упоминания «лучших» и «нарочитых» древлянских мужей «не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени», а могли быть упомянуты в ПВЛ в соответствии с реалиями XII в., В. Г. Лушин не рассмотрел все случаи употребления этих терминов в данном источнике. В противном случае исследователь не мог бы не заметить, что практически все упоминания «нарочитых» людей, мужей, относятся к середине – концу X в. К следующему – XI в. относится единичный случай употребления в ПВЛ этого термина – под 1015 г.⁹⁰, который, как отметил М. Б. Свердлов, был последним⁹¹. В дальнейшем этот термин не был характерен для русского летописания в качестве обозначения знати. Последние

упоминания нарочитых людей в южнорусских источниках в качестве знати содержатся в Церковном уставе Ярослава Мудрого⁹², и датировку их появления в Уставе нет основания выносить за пределы XI ст.⁹³

⁹²Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 86–87.

⁹³Я. Н. Щапов относит складывания ядра Устава к XI – первой половине XII в. (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 291–293). Однако, не трудно заметить, что с нормами русской правды XII в. ближе всего соотносятся отдельные статьи Устава. И появление этих сравнительно поздних статей автор относит не жестко к XII в., а к интервалу «второй половины XI–XII в.» (Там же. С. 292). При том в Уставе они помещены значительно ниже тех статей, в которых упоминаются нарочитые люди. Кроме того, Я. Н. Щапов сопоставил некоторые статьи Устава с договором Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. и резюмировал: «несмотря на некоторое различие в единицах денежного счета, социальных градациях, упоминаемых в статьях, и в обозначении поступков, статьи обоих памятников близки между собой. Они могут быть отнесены к одному примерно времени» (там же. С. 293). Вместе с тем стоит учесть, что в новгородском акте «правда» выступала отнюдь не в качестве нововведения в севернорусском законодательстве, а касалась прежде всего иноземных новгородских торговых партнеров: «Се язъ князь Ярославъ Володимеричъ сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкымъ Яковомъ и съ всеми Новгородьци, потвердихомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всеми Немыцкыми сыны и съ Гты и съ всемъ Латиньскымъ языкомъ. Послалъ емь посла своего Григу на сеи правде» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 28. С. 55). Стоит учесть, что данный договор «не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», который, возможно, был заключен с островом Готланд в период его господства на Балтийском море еще в первой половине XII в.» (*Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989. С. 45). И не ясно, в какой мере статьи этой «правды» во время составления этого договора являлись новшеством даже в отношении готских и немецких купцов, а в какой – повторением условий подтвержденного «мира старого». Поэтому время составления некоторых статей Церковного устава Ярослава Мудрого не вполне корректно соотносить с упоминанием подобных правил в указанном новгородском мирном договоре с Готландом и немецкими городами. Ныне П. С. Стефанович также склонен относить упоминания «нарочитых людей» в Церковном уставе Ярослава Мудрого к архетипу этого памятника середины XI ст. (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 522).

⁸⁹Там же. С. 132.

⁹⁰ПВЛ. С. 62. П. В. Лукин считает это поздним домыслом киевского хрониста и полагает более достоверной именно формулировку Новгородской I летописи младшего извода о «воях славных тысяче». По мнению ученого, речь шла не о знати, а о тысяче самых «видных», «прославленных» новгородских воинов, «отборных воинах». (*Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 96–100). Однако, как отмечал один из авторов этих строк, данное предположение является не доказанным, так как, ссылаясь на иностранные примеры, П. В. Лукин не находит ни одного подобного случая в древнерусской практике. Русские хронисты впоследствии были склонны ассоциировать 1000 славных воинов именно с местной элитой, а не с некими отборными воинами, взятыми ученым из иноземных реалий (*Несин М. А.* Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. Диссертация на соискательство ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018. С. 39).

⁹¹*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 90.

В дальнейшем этот термин, по-видимому, уже не употреблялся в древнерусских источниках в качестве обозначения знатных людей и знатности⁹⁴. Таким образом, можно согласиться с М. Б. Свердловым, что летописные упоминания мужей нарочитых в качестве местной знати X – начала XI в. относятся «к древнейшему по времени пласту записей ПВЛ» и в них отражена «древнейшая социальная лексика»⁹⁵, и надо полагать, что термин «нарочитые мужи», употребленный в ПВЛ применительно к древлянскому элиту X в., был аутентичным, а не представлял собой позднюю модернизацию книжника XII в. В противном случае пришлось бы придумывать конспирологическую теорию о дружном замалчивании в источниках этого термина при упоминании древнерусской элиты после

⁹⁴Подробнее об этом см. в статье М. А. Несина в настоящем сборнике

⁹⁵Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90. Недавно П. В. Лукин призвал «распрощаться» с «древнерусской категорией» нарочитых мужей» на том основании, что слово «нарочитые» иногда использовалось древнерусскими книжниками при упоминании верхушки евреев и преступников – нарочитых жидов и нарочитых разбойников (Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 292). Однако, как уже отмечалось, столь категоричный подход не представляется убедительным (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. С. 22. См. также статью М. А. Несина в данном выпуске). К тому же позиция П. В. Лукина представляется несколько противоречивой или, во всяком случае, недосказанной, поскольку в других работах исследователь признает, что «чаще всего «нарочитыми мужами/людьми» называли представителей социальной элиты», хотя почему-то считает, что этот термин не имел «четких социальных... коннотаций» (Лукин П. В. 1) Новгородское вече. С. 97; 2) Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018. С. 114).

XI в., при частом упоминании их за X в. А это было бы ненамного лучше, чем открытия адептами Новой Хронологии появления В. Новгорода на современном месте в позднем Средневековье и создания первыми Романовыми имитации древнего новгородского культурного слоя.

При этом Лушин почему-то походя разделяет понятия лучших и нарочитых древлянских мужей, хотя нетрудно заметить, что в известии ПВЛ о втором древлянском посольстве к Ольге «нарочитые» мужи отождествляются с «лучшими мужами»: расправившись с членами первого древлянского посольства, киевская княгиня Ольга попросила древлян прислать нарочитых мужей, и древляне отправили лучших мужей, которые держали Древлянскую землю⁹⁶. В этой связи, по мнению большинства историков, нарочитые мужи и лучшие были полностью взаимозаменяемыми терминами⁹⁷, по мнению В. В. Пузанова и А. В. Скобелева, нарочитые представляли собой лишь высшую категорию лучших⁹⁸. Первая версия представляется

⁹⁶ПВЛ. С. 27.

⁹⁷Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 90; Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 93; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223; Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013. С. 81; Лукин П. В. Новгородское вече. С. 54; Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015. С. 108.; Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. С. 42.

⁹⁸Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 568; Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010. С. 98. Разделял нарочитых и лучших и Г. В. Абрамович (Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитый феодализм // ИСССР. № 2. 1981. С. 66-67). Однако, стоит заметить, что Г. В. Абрамович опирался на чтения поздней Воскресенской летописи (которые

более убедительной – для древнерусских летописей не было характерно давать развернутое объяснение социальной терминологии. И в данном случае летописец скорее не стремился пояснить, какие именно лучшие мужи считались нарочитыми, а просто отметил, что в ответ на просьбу киевской княгини прислать ей новое посольство из нарочитых мужей древяне отобрали лучших из лучших – тех лучших мужей, которые были связаны с управлением древянской землей. А круг нарочитых мужей, таким образом, был шире и включал в себя всех лучших мужей вообще. Но как бы то ни было, все авторы согласны в том, что в какой-то мере нарочитые мужи отождествлялись с лучшими.

Что касается упоминания неких добрых древянских князей, распасших Древянскую землю, то мнение В. Г. Лушина,

почему-то связывал с «Нестором»), а кроме того, сделал совершенно безосновательный вывод, что лучшие люди, говоря о достижениях своих князей, сами, в отличие от нарочитых людей, политической властью не обладали. Между тем, во-первых, смысл данной речи заключался в том, чтобы своих князей, распасших, устроивших Древянскую землю, противопоставить не себе, а киевскому князю Игорю, сравненному с волком-расхитителем. При этом использованное Абрамовичем чтение Воскресенской летописи, согласно которому князья не распасли, а разделили землю (там же. С. 66), является в данном контексте неудачным: если устройство земли явно противостоит по смыслу расхищению, то раздел земли не является а priori лучшим для страны, чем разворывание, поскольку также может способствовать ее ослаблению. Во-вторых, Г. В. Абрамович некритически сослался на чтение Воскресенской летописи, согласно которой во второе посольство к киевской княгине древяне «избраша нарочитыхъ мужь 50, иже дръжаху Деревьскую землю». (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 284). Между тем, согласно выше процитированному известию ПВЛ, в ответ на просьбу княгини Ольги отправить к ней нарочитых мужей, древяне «избраша лучшия мужи, иже дерьжаху Деревьску землю». Таким образом, лучшие мужи отождествляются с нарочитыми и связаны с управлением Древянской землей. При этом число этих мужчин в ПВЛ не указано. Скорее всего, сведения Воскресенской летописи о 50 мужах являются домыслом позднего московского хрониста, дававшего понять, что вторая месть Ольги была еще страшнее первой, в результате которой погибли 20 знатных древянских мужей. Таким образом, версия Абрамовича основана на некритическом использовании поздней Воскресенской летописи и неверном понимании текста этого источника.

что они соответствовали исключительно реалиям XII в., трудно признать обоснованным. В. Г. Лушин не оговаривает, что за князья имелись в виду, однако, в рецензируемой статье не противоречит приведенному им мнению А. С. Щавелева о том, что речь идет о представителях рода Мала (с. 78)⁹⁹, и не приводит в пример других многочисленных случаев упоминания в ПВЛ мифических княжеских династий восточнославянских образований. В то время как для выдвижения столь ответственного предположения о выдуманной летописцем княжеской династии в научной работе следует доказать наличие у ПВЛ тенденции к систематическому упоминанию легендарных княжеских семейств восточных славян. Опять же стоит иметь в виду, что археологические раскопки на территории г. Коростень не выявили никаких признаков существенного изменения общественного строя древян в первой половине X в. или даже отдельного этапа в развитии древнеславянского городища Искоростень I. Таким образом, предположение о том, что Мал мог быть

⁹⁹Впрочем, в новой заметке, или «зарисовке» о древянах и их князе Мале, представляющей собой практически дословное переиздание соответствующей части рецензируемой работы с некоторыми дополнениями, исследователь уточняет, что «древлянские «наши князи» летописной статьи 6453 (945) г. [ПВЛ, с. 27] могут пониматься как некое количество предшественников Мала (т. е. местная правящая династия), так и совокупность региональных, менее значимых князей – его современников». И отмечает, что «те, кто на основании информации, извлеченной из адресованных вдове Игоря слов, рисует такую картину жизни древян, в коей находится место многим князьям одновременно, могут оказаться близки к истине», приводя в пример наличие подобной организации у западных славян (Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси // *Rossica & Slavica*. Сборник статей и материалов. 2021 год. С. 60-61). Может быть, это было вызвано недавним знакомством Лушина с работами Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова, в которых эти князья интерпретируются как правители локальных древянских племен. Ссылки на эти труды Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова появляются у Лушина именно в этой работе про древян (там же. С. 59-60). Напомним, что уже в относительно свежем варианте работы В. Г. Лушина о Рюрике, опубликованном в 2020 г., нами выше было выделено дополнение с упоминанием одной из работ Пузанова, которая в более ранних версиях статьи про Рюрика Лушиным не учитывалась. Конечно, мы не беремся делать однозначные выводы о столь позднем ознакомлении Лушина с работами данных авторов, но, учитывая выявленные нами в данной рецензии примеры его невнимания к историографии, исключать такую возможность тоже не стоит.

самым первым древлянским князем гораздо больше противоречит бритве Оккама, чем версия о существовании древлянского княжеского рода¹⁰⁰.

А сомневаясь в достоверности летописного известия о древлянских градах, В. Г. Лушин, как уже было сказано выше, предпринял неудачную попытку отказать древлянам в существовании политических центров. При этом исследователь почему-то рассматривал в этой связи лишь городища, расположенные на территории г. Коростеня, проигнорировав работы Б. А. Звиздецкого о раннесредневековых древлянских городищах на территории бывшей Древянской земли, нын. Житомирской области Украины¹⁰¹. (К слову, удивляет в рецензируемой статье В. Г. Лушина, посвященной восточнославянским

предгосударственным образованиям, отсутствие ссылок на работы Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова¹⁰², в которых сформулированы любопытные (хотя и гипотетичные) положения о структуре древлянской общности)¹⁰³.

¹⁰²Другое дело, что в новейшей заметке о древлянах В. Г. Лушин упоминает работы Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова (Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 59-60), оговариваясь со ссылкой на Б. А. Звиздецкого о наличии «других древлянских городищ», которых В. Г. Лушин опять же не считает достаточно крупными политическими центрами, не уточняя, какими размерами должны обладать последние (там же. С. 60. Примеч. 1).

¹⁰³Историю вопроса см.: Пузанов В. В. «Посла ны дервьська земля. . .» С. 48. Эти ученые, обратив внимание на то, что число древлянских лучших мужей в первом посольстве соответствовало количеству древлянских городищ, предположили, что они были представителями 20 малых древлянских племен, входящих в древлянский суперсоюз, а некие древлянские князья, распашившие землю, видимо, были малыми племенными князьями, подчинявшимися главному древлянскому князю, жившему в Искоростене (там же). Однако едва ли случайно исследователи высказали эту версию лишь в виде предположения. Дело в том, что источники не содержат однозначной информации о подобной структуре древлянской общности и делении Древянской земли на 20 малых племен во главе со своими князьями. Что касается князей, распашивших древлянскую землю, то, как было сказано выше, они с не меньшей вероятностью могли быть и представителями искоростеньской династии Мала. К слову, источники не позволяют убедительно обосновать существование восточнославянских союзов племен, состоявших из неких малых племен (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 10, 18, 20).

Ныне с резкой критикой данной работы выступил М. И. Жих (см. его статью «О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика» в 4 выпуске журнала «Исторический формат» за 2020 г.). По словам Жиха, «Говоря о проблеме социальной организации славянских общностей, известных по «Повести временных лет», и вопросе о том, составляли ли они союзы неких общностей меньшего уровня, О. Л. Губарев просто проигнорировал практически всю специальную литературу, посвященную данной проблеме.

Им не рассматриваются и даже не фигурируют в списке литературы фундаментальные монографии Б. А. Тимощука (Тимошук 1990; 1995), в которых

¹⁰⁰Существующее в историографии мнение, что речь идет о подчиненных князю Малу племенных князьях (историю вопроса см., напр.: Пузанов В. В. «Посла ны дервьська земля. . .» к проблеме типологии «Летописных племен» // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. № 3. 2014. С. 48), нам представляется наименее вероятным. Организация типа союза племен требовала совещательного органа с участием представителей этих малых племен (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 10, 18, 20). Между тем в летописном повествовании об убийстве киевского князя Игоря и местах его вдовы Ольги неоднократно упоминается политическая активность древлян, также сообщается о совещании древлян со своим князем Малом, в ходе которого было принято решение убить Игоря. Однако ни разу не упоминается воля этих древлянских князей, при том, что они «распасли» – устроили (см., напр.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 21) Древянскую землю. Не логичнее ли этих князей считать Малом и его предшественниками, чем современными Малу князьями? В этой связи интерпретация оных древлянских князек как племенных князей – правителей современных Малу неких малых древлянских племен нам представляется наиболее сложной, противоречащей принятой в научном мире Бритве Оккама – не множить сущности сверх необходимого.

¹⁰¹Звиздецкий Б. А. 1) Про час виникнення та соціальної типології літописних «градів» Древянської землі // Український історичний журнал. Вип. 3. (№349). 1990; 2) Про деякі особливості древлянських городищ VIII–X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірник наукових праць. К., 2004.; 3) Городища IX–XIII вв. на території літописних древлян. Київ. 2008.

обобщен весь имевшийся на конец 80-х – середину 90-х гг. археологический материал по проблеме социально-политического развития восточных славян и в которых проблеме славянских политических центров разного уровня (и стоящих за ними иерархических социальных единиц) уделено значительное внимание и разработана система социальной классификации и эволюции восточнославянских поселений VI–X вв.

О. Л. Губареву неизвестны диссертация и статьи Г. Ф. Соловьевой (Соловьева 1953; 1956: 138-170), которая на археологическом материале предприняла попытку выделения локальных групп («малых племен») в ареале вятичей, радимичей и северян. Неизвестна ему и дискуссия вокруг работ Г. Ф. Соловьевой⁶.

О. Л. Губареву известна работа Л. В. Алексеева, в которой тот выделил локальные группы, соответствующие «малым племенам» в ареале смоленских и полоцких кривичей (Алексеев 1977: 23-30).

О. Л. Губареву неизвестны работы И. Я. Фроянова и полемика между И. Я. Фрояновым и Е. Н. Носовым о «племенных» центрах и «малых племенах» ильменских словен (Фроянов, Дворниченко 1988: 22-40; Фроянов 1992: 21-74; Фроянов, Михайлова 1999: 228-236; Носов, Плохов 1997: 129-152; Носов 2005: 13-14, 20-21, 153-154. Современную оценку этой дискуссии см.: Еремеев, Дзюба 2010: 400-402, 417).

О. Л. Губареву неизвестна работа Б. А. Звиздецкого, выделившего по археологическим материалам «племенные центры» в Древлянской земле (Звиздецкий 2008: 76-77).

О. Л. Губареву неизвестна работа И. И. Еремеева, в которой тот предпринял попытку выделения «племенных» центров, а соответственно, и «малых племен» в ареале ильменских словен на основе новых археологических данных (Еремеев, Дзюба 2010: 394-417).

Стоит отметить, что М. И. Жих, изображая из себя ведущего историка, имеющего право судить, кому допустимо, а кому «недопустимо» участвовать в научной дискуссии, не различает спорные гипотезы и надежно установленный исторический факт и не отличает полемическую статью по спорному вопросу от фундаментальной монографии, в которой надо подробно рассматривать все основные дискуссионные предположения предшественников. К тому же, огульно утверждая, что О. Л. Губареву «неизвестны» те или иные «работы», Жих некорректно характеризует сделанные в некоторых из них выводы, что дает основание его самого заподозрить в незнакомстве с историографией или в сознательном передегеривании. К примеру, если проследовать по его ссылкам на труды Л. В. Алексеева, Б. А. Звиздецкого, а так же монографию И. И. Еремеева и О. Ф. Дзюбы, то выяснится, что Л. В. Алексеев отнюдь не «выделил локальные группы» «в ареале смоленских и полоцких кривичей», «соответствующие «малым племенам»», а всего лишь допускал связь выявленных в Полоцкой земле восьми «скоплений» кривичских погребальных памятников с «десятичным членением древнерусских

племен», не исключал, что «многие периферийные центры скоплений полоцких кривичей (и северных дреговичей с Минском) первоначально в большинстве случаев были племенными погостами», высказал «предположение, что» Смоленск и Торопец «выросли из двух племенных центров кривичей». Б. А. Звиздецкий, вопреки М. И. Жиху отнюдь не «выделил» «племенные центры», а лишь высказал гипотезу, или, как это называется в работе Жиха, «предпринял попытку выделения» центров малых племен. И. И. Еремеев не принял мнение И. Я. Фроянова о выделении укрепленных поселений в VIII–IX вв. в качестве племенных центров из сельской округи в результате процессов общественного развития ильменских словен, а скорее поддержал «торговую» концепцию Е. Н. Носова о функционировании городков в качестве торговых центров на трансконтинентальных торговых путях. Некоторые укрепленные поселения в более раннее время – в третьей четверти I тысячелетия н. э. по мнению Еремеева, могли быть центрами «малых племен», но не локальных племен в составе союза племен, а «малых племен» - «родов», то есть, родовых общин внутри одного племени ильменских словен.

Столь же неверно Жих характеризует «позицию» рецензируемого им автора – О. Л. Губарева. Достаточно привести в пример следующее утверждение: «подчеркнем некорректность позиции О. Л. Губарева, согласно которой сведения византийских источников и данные о социальной организации южной части славянского мира не могут привлекаться его северной части... М. М. Казанский отмечает, что «до VIII в. славяне, расселившиеся в разных частях Европы, находились приблизительно на одном уровне социального и экономического развития. Поэтому археологические находки в Восточной Европе и сведения византийцев о войске балканских славян отражают единый процесс эволюции военного дела у славян» (Казанский 2011: 43)».

Однако, в статье О. Л. Губарева «речь идет о восточных славянах дорюриковского периода (VIII–IX вв.)», а сведения византийских источников VI–VII вв. О. Л. Губарев использует для характеристики военного дела восточных славян VI–VII ст. (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 5, 12).

И при этом, выше рассуждая о военном деле восточных славян по данным археологии, со ссылкой на ту же работу М. М. Казанского, Жих проигнорировал важное замечание О. Л. Губарева: «Археологические культуры, содержащие предполагаемый славянский элемент наряду с германским или кочевническим, отличаются пусть и редкими находками, как показывают работы М. Казанского, клинкового вооружения и остатков кольчуг и конской упряжи¹⁹. Однако археологические культуры, уверенно связываемые со славянами (пражско-корчакская и лука-райковецкая), отличаются бедностью находок, говорящих об однородном и технологически консервативном обществе. Разложение родоплеменного строя и признаки накопления богатства в руках племенной знати появляются только

Впрочем, игнорирование Лушиным историографии привело его к еще более неверным утверждениям.

Так, по заявлению В. Г. Лушина, «археологические памятники, которые должны иметь отношение к событиям 945–946 гг.» – «это три городища и четыре могильника в черте современного города Коростеня Житомирской области Украины [Андрощук Ф., 2008, с. 7]. К городищу I (0,45 га) примыкал неукрепленный посад (ок. 300 × 150 м), а располагавшееся поблизости городище II занимало площадь всего в 0,055 га, немногим крупнее городище III (1 га), отстоящее от двух предыдущих на полтора километра [Комар А. В., 2012(а), с. 328]» (с. 78-79).

Между тем в указанной В. Г. Лушиным статье Ф. А. Андрощука приведена несколько иная формулировка: «Археологические памятники, которые по времени своего существования могут (а не должны! – *авт.*) иметь отношение к легендарной истории, рассказанной летописью, состоят из трех городищ и четырех могильников, расположенных на территории современного города Коростеня Житомирской области»¹⁰⁴. Ниже Ф. А. Андрощук упоминал о находке на «городище № 2» землянки X–XII вв., а на третьем городище — «культурных отложений» X–XIII ст. и резонно заключал: «совершенно очевидно, что по крайней мере три городища, расположенные на правом берегу р. Уж, существовали в X в.»¹⁰⁵. Но, в отличие от В. Г. Лушина, не утверждал, что Городища II и III однозначно существовали до второй половины X в. и имели отношения к событиям 945-946 гг. Таким образом, ссылка Лушина на работу Ф. Андрощука представляется совершенно некорректной. В. Г. Лушин навязывает собственные утверждения ученому, который не делал столь категоричных выводов.

А в упомянутой Лушиным работе А. В. Комара, обстоятельно характеризующей раннесредневековые археологические памятники

Коростеня, также не отмечается никакой определенной связи городищ II и III с завоеванием киевлянами Древлянской земли в 946 г. В отличие от I городища, погибшего в середине X в. и представлявшего собой сожженный в 946 г. древлянский Искоростень, А. В. Комар не отметил на городищах II и III ни находок предметов, относящихся к местной лука-райковецкой культуре, ни следов разрушения середины X в., ни культурных слоев древнее второй половины X в. Относительно датировки городища II Комар заключил, что «судя по находкам в объектах в культурном слое, городище функционировало в X–XIII вв.»¹⁰⁶, не упомянув наличия каких-либо артефактов и культурных слоев, определенно датированных ранее второй половины X ст.¹⁰⁷.

Никак невозможно убедительно связать с событиями 945-956 г. и городище III. По заключению А. В. Комара, «если городище I представляет древлянский Искоростень, то городище III, несомненно, отражает древнерусскую стадию существования города. Раскопки 1994, 2001 и 2005 гг. не принесли выразительных находок лепной и раннегончарной посуды культуры лука-райковецкой – небольшое количество обнаруженных венчиков вполне укладывается в рамки присутствия таких форм в комплексах второй половины X в». На городище III «были обнаружены культурные слои X–XVIII вв. Ранний горизонт представлен древнерусской гончарной керамикой первой половины X в. (Звіздецький, 2008, рис. 28-29), но от горизонта разгрома городища I он отличается отсутствием лепной посуды культуры Лука-Райковецкой... комплекс гончарной посуды первой половины X в. происходит из раскопок 30-х гг

¹⁰⁶Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 328.

¹⁰⁷При этом, по утверждению А. В. Комара, городище II «не могло не разделить судьбу городища I в случае их синхронного существования (цит. по: там же. С. 330). Это заключение нуждается в некоторой корректировке или по крайней мере в уточнении: ниже автор при рассмотрении датировки ранних находок, связываемых с городищем III, допускает, что «в первой половине X в. рядом с Искоростенем существовала еще одна крепость, размером больше «княжеской», не пострадавшая в результате событий 946 г.» (Цит. по: там же. С. 330). Но как бы то ни было, каких-либо данных о существовании городища II до середины X в. не существует.

в период господства варягов на севере и хазар на юге». (Там же. С. 9-10).

¹⁰⁴Цит. по: Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Искоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. I / Голов. ред. О. П. Моця. Коростень, 2008. С. 7.

¹⁰⁵Там же. С. 7-8.

(Звіздецький, 2008, рис. 28-29). Если, конечно, эти находки правильно атрибутированы как принадлежащие городищу III (sic! – авт.), то в первой половине X в. рядом с Искоростенем существовала еще одна крепость, размером больше «княжеской», не пострадавшая в результате событий 946 г., или же древнерусская крепость возведена здесь уже после 946 г.»¹⁰⁸.

Сообщая о наличии в древнем Искоростене некоторых «элитарных находок», Лушин утверждает, что единственное объяснение их происхождения было предложено А. П. Толочко: «Элитарные находки в земле древлян требуют объяснения, которое и было недавно предложено А. П. Толочко. Исследователь замечает, что «присутствие среди находок скандинавских украшений и арабских монет указывает, что их источником был бассейн Днепра и проникали они, как, вероятно, и все другие «заморские» ценности, благодаря скандинавским русам» [Толочко А. П., 2015, с. 227, 228]. Чем оплачивались поставки престижных товаров? По мнению А. П. Толочко, объяснить богатство Искоростеня не представляется возможным без предположения о вовлеченности древлян в работорговлю киевских русов, ведь «у древлянской элиты был единственный товар, имеющий спрос за пределами ее узкого мира – рабы» [там же, с. 227].

Вероятно, не заставят себя долго ждать и другие гипотезы о путях и способах получения древлянами предметов престижного потребления» (с. 79-80).

Однако, в действительности происхождение этих находок обсуждалось в историографии еще до выхода в 2015 г. данной монографии А. П. Толочко. А. В. Комар в известной В. Г. Лушину работе предложил иное, ничуть не менее обоснованное и вероятное объяснение появления этих предметов:

«Обилие в Искоростене древнерусских и скандинавских престижных социальных маркеров, возможно, связано с более ранним эпизодом 945 г. уничтожения древлянами дружины князя Игоря. В пользу этой версии говорят находка превращенного в подвеску византийского солида Василия и Константина (869–879 гг.) (Petrauskas, 2009, fig. 3; 4 d), принадлежавшая участнику торгового или военного похода в Византию, и крестовидная подвеска, заставляющая вспомнить о «крещеной руси» византийских источников.

Немаловажными выглядят и находки деталей серебряного печенежского пояса (рис. 22: 2), в то время как печенеги упомянуты ПВЛ в качестве союзников Игоря в походе на Византию»¹⁰⁹. Правда не ясно, являлись ли в таком случае эти предметы «престижными социальными маркерами» древлянской знати или в результате схватки достались семьям более удачливых древлянских воинов¹¹⁰? Следует также учесть замечание В. В. Пузанова, что ««дорогая вещь»» могла принадлежать не только вождю, или представителю родового нобилитета, но и удачливому воину, являться родовой реликвией и т. п.»¹¹¹. Во всяком случае, гипотеза об активной вовлеченности древлянской знати в работорговлю повисает в воздухе¹¹².

¹⁰⁹Там же. С. 331.

¹¹⁰Другое дело, что А. В. Комар пишет в данном случае исключительно о «прятывшихся» «в небольшой крепости князя Мала» (там же), хотя эти т. н. элитарные находки были сделаны не только на городище, но и на посаде, и в двух курганах (Звіздецький Б. А. Петраускас О. В., Польгуй В. И. Нові дослідження стародавнього Искоростеня // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць. Київ, 2004; Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. С. 7-8). Относительно этих курганов Ф. Андрощук со ссылкой на указанную статью Б. А. Звіздецкого, О. В. Петраускаса и В. И. Польгуйа, писал, что «богатство находок, размеры некоторых из курганов позволили исследователям видеть в них захоронения древлянской элиты» (Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. С. 7.) Однако в действительности данные авторы высказывались не столь однозначно, отмечая, что «два вищеописаних кургани могли належати» представителям высших слоев древлянской местной родоплеменной знати. (Звіздецький Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И. Нові дослідження стародавнього Искоростеня. С. 55). Интересно, что в рецензируемой статье В. Г. Лушин, знакомый с данной работой Ф. Андрощука, не стал вслед за ним писать об этих курганах как об элитарных памятниках, то ли проглядев упоминание курганов, то ли не поспешив с выводами об их аристократическом характере. И даже в том случае, если размеры и богатство этих курганов были связаны с элитарным происхождением данных погребений – не ясно, были ли это захоронения исключительно местной элиты или, к примеру, мужское захоронение являлось до сих пор не найденной могилой киевского князя Игоря, по летописным данным, убитого и похороненного древлянами в районе Искоростеня.

¹¹¹Цит. по: Пузанов В. В. Образование древнерусского государства.. С. 51.

¹¹²Как и высказанное в новейшей работе В. Г. Лушина мнение о торговых связях древлянской элиты с Подунавьем (Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 62). Если допустить, что дорогие вещи были отбиты древлянами в

¹⁰⁸Там же. С. 328, 330.

К тому же некритически приведенное Лушиным мнение А. П. Толочко, что «у древлянской элиты был единственный товар, имеющий спрос за пределами ее узкого мира – рабы» несколько расходится с позицией самого Толочко, признававшего, что, помимо рабов, русы экспортировали из Восточной Европы и пушнину¹¹³. Отметим что версия Толочко о «ведущей роли» работорговли в «экономической жизни Восточной Европы IX–X вв.»¹¹⁴ не находит подтверждения в источниках, зато существенно расходится со сведениями некоторых из них.

Стоит обратить внимание на сообщение Ибн Ходадбега, при упоминании внешней торговли русов с Византией выделявшего именно экспорт мехов: «Что же касается до русских купцов¹⁶⁶ – а они вид¹⁶⁷

столкновении с дружиной киевского князя Игоря, а не куплены на деньги, полученные за продажу рабов, то находки в Искростене распространенных в Подунавье сережек-лунниц невозможно убедительно соотнести с упоминанием рабов неясного происхождения в Раффельшпеттенском таможенном уставе 904/906 гг. (ср.: там же).

В той же работе Лушин ссылается на другое важное замечание В. В. Пузанова, высказанное в иной его монографии: «Сохранившиеся источники позволяют связать всплеск восточноевропейской работорговли с появлением *руси*, но нет свидетельств того, что элита славянских племен по доброй воле или вынужденно содействовала поставкам живого товара. Имеет какую-то степень вероятности возможность союза некоторых групп автохтонной элиты с предводителями киевского (и / или иных, если таковые существовали) сообществ русов. По мнению В. В. Пузанова, такие союзы могли создаваться для совместной эксплуатации других племен и народов [Пузанов В. В., 2017, с. 230]. «Сама структура восточноевропейского экспорта, пишет исследователь, в котором ведущую роль играла работорговля, предусматривала внешние акции, внешнюю эксплуатацию. Но обращение в рабов соплеменников, тем более – массовое, и выставление их на продаже на чужеземных рынках в тех условиях было практически невозможным» [там же]» (там же. С. 61-62) В этой связи, если согласиться с версией А. П. Толочко и В. Г. Лушина об активном участие древлянской знати в экспорте рабов, нужно признать наличие у древлян постоянных войн с соседями, в которых древлянская элита часто добывала рабов для продажи. А такие войны не прослеживаются в источниках. И отсутствие у восточных славян лесной полосы развитого оружия и защитного снаряжения как раз склоняет к выводу об отсутствии таких военных походов (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах. . .).

¹¹³Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев-СПб., 2015. С. 178-180.

¹¹⁴См., напр., там же. С. 11.

ас-сакалиба¹¹⁵ – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны ас-сакалиба к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по... реке ас-сакалиба, и проезжают проливом столицы Хазар¹⁶⁹, и десятину с них взимает их (Хазар) правитель»¹¹⁶. (Аналогичный рассказ с некоторыми нюансами приводил Ибн ал-Факих, упоминая экспорт шкур лисиц и выдр¹¹⁷/ бобра и лисиц¹¹⁸). Также стоит учесть независимое известие ПВЛ за 969 г., в котором от лица князя Святослава при перечислении стекающихся «из Руси» «благ» на первом месте названа «скора» (меха), на втором и третьем – продукты бортничества, воск и мед, и лишь на последнем месте – челядь (рабы)¹¹⁹. И, разумеется, заслуживают внимания сведения Ибн Русте, выделившего в качестве «единственного» «занятия» русов именно торговлю «собоями, белками и прочими мехами, которых они продают

---

¹¹⁵Данный этноним в публикациях русских переводов этого источника нередко обозначается как славяне. Однако, исследователи не пришли к единому выводу, означал ли он одних славян, или другие северные народы тоже (Губарев О. Л. Новый взгляд на сообщения восточных источников о Руси на Востоке и на Западе // Valla. Т. 3. № 4. 2017. С. 108). Упоминание Ибн Хордадбехом титула правителя русов «к.наз», наиболее созвучного славянскому слову «князь», свидетельствует о том, что арабский географ считал восточных славян ас-сакалиба (Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002. С. 50). Но, вероятно, не их одних. Тот факт, что Ибн Хордадбех отнес русов к разновидности ас-сакалиба, по мнению Т. Й. Храундала свидетельствует в пользу употребления этого термина по отношению к разным северным народам (Губарев О. Л. Новый взгляд на сообщения восточных источников... С. 108).

¹¹⁶Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеху (перевод В. Розена) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384.

¹¹⁷Текст варианта Ибн ал-Факиха по рукописи, изданной А. Шперегером (перевод А. Я. Гаркави) // Древнерусское государство и его международное значение. С. 385.

¹¹⁸Текст Ибн ал-Факиха по Мешхедской рукописи // Древнерусское государство и его международное значение. С. 385.

¹¹⁹ПВЛ. С. 32.

покупателям», хотя ниже упомянувшего, что русы также «торгуют» «рабами»¹²⁰.

В. Г. Лушину стоило бы учесть рецензию Д. Н. Верхотурова на данную монографию А. П. Толочко. Верхотуров подверг серьезной критике вышеупомянутую концепцию Толочко о работоторговле и показал, что набирать и продавать тысячи рабов ежегодно в Восточной Европе «варягам невозможно было», зато, вопреки мнению Толочко, собирать 500-625 тысяч шкурок в год было «вполне реально»¹²¹.

Как на самом деле характеризовал взаимоотношения киевских росов с Черниговом и северянами Константин Багрянородный? Когда в действительности появились большие черниговские курганы? И можно ли говорить о независимости от Киева их правителей?

По мнению В. Г. Лушина, Русь была образована из «нескольких» «русей», «созданных в Восточной Европе варягами-русью» (с. 77). Такие взгляды и прежде высказывались в историографии, хотя были весьма уязвимы для критики, что в другой работе продемонстрировал сам В. Г. Лушин¹²². И надо сказать, что Лушин сам

¹²⁰Текст о русах из сочинения Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса» // Древнерусское государство и его международное значение. С. 397.

¹²¹Верхотуров Д. Н. Остроумие против археологии // Valla. Т. 3. № 2. 2017. С. 96-98.

¹²²По поводу неизвестных из ПВЛ походов русских восточных походов Лушин пишет: «Можно пытаться объяснить отсутствие таких упоминаний неудачным завершением некоторых из этих походов или тем, что экспедиции на Каспий совершали какие-то другие, не связанные с Киевом группы руси, с представителями одной из которых встретился в Волжской Булгарии Ибн Фадлан в 921–922 гг. Вероятнее, однако, другое – полное отсутствие у летописца каких-либо сведений об этих походах. См.: Толочко А.П., 2015, с. 59». (Лушин В. Г. Рюрик. С. 20. Примеч. 25). Принимая версию А. П. Толочко, что хронист не знал об этих кампаниях, Лушин попутно вольно или невольно ставит под сомнение гипотезу этого автора о существовании независимой волжской руси: если неизвестная киевскому хронисту деятельность русов на Волге, скорее, была связана не с отдельной русью, просто находилась вне поля зрения киевского хрониста, то какие основания говорить о самостоятельной восточной руси? В записках Ибн

понимает умозрительность подобных версий: «Для не разделяющих подобных взглядов надежным помощником в дискуссиях будет извечный и кажущийся непотопляемым аргумент – отсутствие подтверждающих источников. И в самом деле, кроме Рогволода [ПВЛ, с. 36], письменная традиция не называет имен других правителей скандинавского происхождения, владевших восточнославянскими землями и не подчинявшихся Рюриковичам... Здравый смысл подсказывает, что должны были быть и другие, полностью или частично независимые от титульной династии правители-варяги, но никакие суждения, на нем основанные, показаниям источников противопоставлены быть не могут» (там же). Впрочем, подменять по умолчанию «показания источников» подобными «суждениями» В. Г. Лушин, по-видимому, не считает предосудительным. В противном случае не ясно, как объяснить совершенно неаргументированное заявление автора, что Черниговское предгосударственное образование, в отличие от древлянское, было «из числа созданных скандинавами» (с. 80). Само образование Лушин назвал «гипотетическим, разумеется» (там же), то есть не факт, что существовавшим – но считал непременно созданным скандинавами – и ниже безапелляционно объявил, что представители «племен-пактиотов» не могли войти в состав местной элиты, формирующейся, таким образом, исключительно за счет скандинавов (с. 81).

О Чернигове Лушин пишет, как о независимом предгосударственном образовании второй половины X в, будто бы находившемся под властью «независимых или (?) автономных» от Киева «правителей» (с. 80-84). Разве независимые и автономные в данном случае не синонимы? Впрочем, не будем придираться к неудачной формулировке. Гораздо менее удачными оказываются данные выводы автора. Они зиждутся на трех китах:

1) субъективной трактовке сведений

Фадлана сообщается о прибытии русов на Волгу, но при этом не говорится об их постоянном проживании в Поволжье. Деятельность (как, впрочем, и само существование) «волжских» русов во второй половине X в. и вовсе остается только домысливать.

известного источника середины X в. – знаменитого трактата Константина Багрянородного «Об Управлении империей»;

2) произвольной датировке появления крупных черниговских курганов второй половиной X ст.;

3) противоречивой трактовке этих погребальных памятников как захоронения независимых от Киева правителей.

Так, упоминая сведения сочинения Константина Багрянородного о Чернигове, Лушин почему-то заявляет: «эти данные не позволяют однозначно ответить на вопрос о подчиненности Чернигова Киеву в годы создания трактата» (с. 80); «У Константина VII все «крепости» «приписаны» к «внешней» России, то есть вполне четко отделены от «пактиотов» (?! – *авт.*)¹²³ (с. 82);

¹²³Между тем выше Лушин пишет: «Утверждение о непринадлежности называемых в сочинении Константина VII пунктов росам, если последних считать выходцами из Скандинавии или их ближайшими потомками, вступает в противоречие с археологическими данными, что особенно заметно на примере Гнездовского комплекса¹⁷. По заключению В. С. Нефедова, довольно активные и длительные контакты древнерусского населения и кривичей были неравноправными и протекали в условиях военно-административного давления гнездовской «элиты» на местных жителей [Нефедов В. С., 2011, с. 75-77]» (с. 81). Между тем, если проследовать приведенной Лушиным ссылке на статью В. С. Нефедова о Гнездове, то в ней местным населением действительно названы кривичи, носители КСДК (*Нефедов В. С.* Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород–Старая Русса. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 75), то есть, «пактиоты» – «кривитеины» из трактата Константина Багрянородного. При этом, по заключению Нефедова, «культурное взаимодействие было неравноправным и протекало в условиях сильного военно-административного давления древнерусской и особенно гнездовской «элиты» на местных жителей» (с. 77). Отсутствие погребальных традиций КСДК в гнездовских курганах и памятниках в радиусе 50 км от Гнездова Нефедов предположительно объяснил непостоянным характером проживания кривичей в Гнездово. Вместе с тем с не меньшей вероятностью это можно связать с отмеченным автором «сильным» «давлением» на кривичей со стороны иноэтничной элиты. Это хорошо видно на примере Чернигова, в котором проживали северяне – носители местной роменской культуры, пользовавшиеся характерной лепной посудой. Но их погребальные традиции слабо отразились в некрополе Чернигова: лишь в двух курганах – Гульбище и Безьянном – они частично проявились в виде захоронений в верхней части насыпи, да и то в смещении с древнерусским обрядом кремации на месте (*Комар*

«имеющиеся в распоряжении исследователей скудные данные письменных источников не позволяют с определенностью говорить о статусе Чернигова» «в середине X века» (с. 82).

Между тем трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» сообщает о северянах и расположенных на территории их земель городах Любиче и Чернигове нечто иное:

«[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милински (Смоленск, или точнее – Гнездово – *авт.*), из Телиуцы (Любеч – *авт.*), Чернигоги (Чернигова – *авт.*) и из Вусеграда (Вышгорода – *авт.*). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Киев), называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты (данники), а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам... Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полудия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев (северян) и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»¹²⁴.

Таким образом, из источника середины X в. ясно следует, что к территории внешней Руси

А. В. Чернигов и нижнее Подесенье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. С. 342-343, 345). Но, как бы то ни было, «принадлежность» Гнездова (обычно отождествляемого с «Милински»–Смоленском из трактата Константина VII) «росам» отнюдь не исключала его расположения в области пактиотов росов – кривичей. И Лушин сам противоречит своему тезису о противопоставлении этой и других «крепостей» «пактиотам».

¹²⁴Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 47, 51.

относились все подчиненные киевским русам земли вне Киева, включая Вышгород¹²⁵, расположенный всего в 16 км от него выше по Днепру. Чернигов и Любеч же, в свою очередь, относились к числу «пактиотов» – данников киевских росов, производивших для них лодки-однодеревки, а северяне прямо названы пактиотами росов, которые ежегодно ходили к ним из Киева в полоудье и кормились за их счет. При этом такой характер отношения росов с северянами и прочими «Славиниями» – «пактиотами» в середине X в. воспринимался как «образ жизни», то есть не новшество, а устоявшаяся в течение не одного года система. Не ясно, кем были в этой связи архонты росов – дружинниками во главе разных отрядов или поколениями киевских князей (что касается росов, ходивших с архонтами в полоудье к северянам и другим данникам, то источник не позволяет однозначно ответить на вопрос, какую социальную группу они собой представляли. Но вернее всего предположить, что речь идет не о массе рядового восточнославянского киевского населения, а о дружинниках, в значительной мере норманнского происхождения: Константин Багрянородный считал росов норманнами, противопоставляя русские скандинавоязычные названия некоторых днепровских порогов славянским¹²⁶. Из ПВЛ мы узнаем, что князь Игорь именно с дружиной собирал дань с древлян, а его вдова Ольга с сыном и дружиной «устанавливавши уставы и уроки, и суть становища ее и ловища». Дружинники в этот период исчислялись немногими сотнями человек¹²⁷. Это хорошо соотносится со сведениями Гардизи об участвовавших в полоудье 100-200 русах: «всегда 100-200 из них [русов] ходят к ас-сакалиба¹²⁸ и

насилно берут с них на свое содержание, пока там находятся»¹²⁹). Во всяком случае, скорее всего разделение «всех росов» на какие-то отряды в рассказе Константина Багрянородного подразумевалось. Как отметили М. Б. Свердлов, и А. Ю. Карпов, полоудье в трактате византийского императора не являлось реконструированным Б. А. Рыбаковым последовательным круговым объездом древлян, дреговичей, кривичей и северян, поскольку ниже Константин Багрянородный упоминает «прочих славян, которые являются пактиотами росов»¹³⁰. По мнению М. Б. Свердлова, полоудье представляло собой разезд по указанным 4-м «Славиниям» и «прочим славянам» - пактиотам, (к которым по мнению ученого, относились словене, радимичи, тиверцы и уличи)¹³¹. Выводы Свердлова с некоторыми оговорками поддержал А. А. Горский и безоговорочно принял А. С. Щавелев¹³². Такой взгляд на полоудье не противоречит источникам и в некоторой степени подтверждается сведениями ПВЛ о взимании киевским князем Игорем с древлян. Отметим, что по ПВЛ роковой для Игоря поход за данью к древлянам предполагалось ограничить Древянской землей, а затем направиться не к дреговичам, кривичам и т. д., а поехать «въ градъ свой», «домови», и это не выпадит как принципиальное нарушение обычая¹³³. Возможно, со сведениями Константина Багрянородного о русах и славянах — пактиотах перекликаются упоминания русина и словенина в 1 статье Крапкой Русской Правды: «Оубъеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или

русский язык этот этноним обычно фигурирует как «славяне». Однако, в действительности персидский автор так называл разные народы – буртасов и какой-то светловолосый народ, принявший участие в этногенезе енисейских кыргызов (*Пилипчук Я. В.* О некоторых случаях использования этнонима «сакалиба» // *Valla. Т. 3. № 2. 2017. С. 37-38, 40*). Поэтому не ясно, имеются ли в виду в данном случае только славяне, или разные народы Восточной Европы, с которых собирали дань русы.

¹²⁹Текст о русах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // *Древнерусское государство и его международное значение. С. 400.*

¹³⁰*Свердлов М. Б.* 1) Генезис и струкутра феодального общества. С. 61; 2) Домонгольская Русь... С. 167-168; *Карпов А. Ю.* Книжня Ольга. С. 296. Примеч. 2.

¹³¹*Свердлов М. Б.* 1) Генезис и струкутра феодального общества. С. 61-62; 2) Домонгольская Русь... С. 168-169).

¹³²*Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 30-31; *Щавелев А. С.* «Племена» восточных славян... С. 20.

¹³³ПВЛ. С. 26 - 27.

¹²⁵Трудно в этой связи согласиться с авторами научного комментария: «Выражение *από της εξω Ρωσίας* допускает несколько толкований. 1) «Внешняя Россия» – подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, «внутренняя» (этого термина у Константина нет – он восстанавливается как оппозиция к «внешней» России) – собственно Киев, откуда выходят «все росы» в полоудье. В этом случае к «внешней России» придется причислить даже Вышгород–Вусеград (см. коммент. 14 к гл. 9), княжеский «Ольгин град» в середине X в., что маловероятно» (там же. С. 308). В процитированном тексте Вышгород прямо отнесен к Внешней России, откуда из разных городов в Киев прибывали однодеревки.

¹²⁶Там же. С. 47.

¹²⁷*Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 96.

¹²⁸В публикациях переводов данного источника на

братоучадоу (а), любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за голову; аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчина (б), любо ябетникъ, любо мечникъ, аще (в) изъгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривень положити за нь»¹³⁴. Отметим, что русин и словенин фигурируют в контексте различных социальных групп, поэтому скорее всего эти термины обозначали не просто жителя южной Руси и ильменского словенина, а собиравшего дань киевского дружинника и данника — славянина (не обязательно только новгородца), т. е., имели не только территориальный, но и социальный оттенок¹³⁵. Стоит также обратить внимание на приведенную в ПВЛ речь древлян о своих намерениях выдать замуж за «своего» князя Мала вдову убитого имя «рускаго» князя Игоря: «рѣша же древляне: «се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль...»»¹³⁶. В ней убитый киевский князь Игорь прямо противопоставлен «своему» древлянскому князю Малу в качестве «князя рускаго».

Сведения Константина Багрянородного о взаимоотношениях Киева и северян отчасти подтверждаются данными археологии. Согласно проигнорированным Лушиным выводам известной ему (с. 84, примеч. 20-21) работы А. В. Комара: «В расположенном на пересечении Деснинского и Сейминского речных путей Чернигове практически отсутствуют находки предметов из Балтийского, Волжско-Камского регионов и Подонья; ограничен здесь и круг византийских предметов. В погребениях и поселенческих слоях X в. нет торгового инвентаря, в изобилии представленного в соседней Шестовице. Функции Чернигова, несомненно, не были связаны с торговлей, а образование столь крупного

древнерусского военизированного города на пограничье целиком обусловлено его административным предназначением как опорного центра сбора даней с племен северян и радимичей, подчиненных в 80-х гг. IX в. князем Олегом»¹³⁷. Интересно, что «возведение первого городища на Детинце» относится именно к рубежу IX–X вв.¹³⁸, а появление во второй половине X в.¹³⁹ в Чернигове новых укреплений, скорее, отражало развитие Чернигова в качестве центра сбора дани в пользу Киева, а не обособление его от Матери городов русских.

Повесть временных лет отмечает, что княгиня Ольга после победы над древлянами в середине X в. обзавелась в землях северян – по р. Десне – угодьями для ловли птиц, а также селом Ольжичи, сохранившим свое существование до времени работы летописца¹⁴⁰. Таким образом, середину X ст. можно рассматривать как время укрепления влияния киевских князей в Подесенье.

Интересно, что, несмотря на проживание в Чернигове северян – носителей роменской культуры, пользующихся своей характерной лепной посудой, их погребальный обряд был слабо выражен в черниговском некрополе, отразившись лишь в 2-х курганах – Гульбище и Безымянном в виде погребения в верхней части насыпи, в синтезе с древнерусским обрядом кремации на месте¹⁴¹. Это, по-видимому, говорит о достаточно сильной зависимости северян от киевского влияния. В Любиче, не являвшемся столь значимым административным центром, погребальный обряд местного северянского населения выражен в более чистом виде: помимо погребения в верхней части насыпи, кремация тоже проводилась на стороне, в соответствии с характерными погребальными традициями роменской культуры¹⁴².

Время появления крупных черниговских курганов В. Г. Лушин произвольно относит ко второй половине X в. (с. 82-84): середину X. в. Лушин

¹³⁴Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 73.

¹³⁵«Вполне возможно, что правы те исследователи, которые усматривали в «русине» представителя господствующего варяжско-русского «племени». Тогда выстраивается ряд: варяжский представитель руси, (русин); славянский представитель руси, член общины (словенин)» (Цит. по: Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 298. Примеч. 73).

¹³⁶Цит. по: ПВЛ. С. 27.

¹³⁷Комар А. В. Чернигов и нижнее Подесенье. С. 345.

¹³⁸Там же. С. 341.

¹³⁹Там же.

¹⁴⁰ПВЛ. С. 29.

¹⁴¹Комар А. В. Чернигов и нижнее Подесенье. С. 342-343, 345.

¹⁴²Там же. С. 357.

бездоказательно характеризует как «время, предшествующее сооружению здесь больших курганов», а всех погребенных в этих курганах без какой-либо аргументации относит к числу «лиц, правящих на Днепровском Левобережье во второй половине X столетия» (с. 83), «вероятность существования» которых – «автономных или независимых от Киева правителей» – может быть хронологически ограничена второй половиной X столетия и может быть первыми годами XI в.» (с. 84). Эти утверждения не подтверждаются данными археологических изысканий. Наоборот, согласно указанной статье А. В. Комара, вещественный комплекс крупного черниговского кургана Гульбище датируется серединой X столетия¹⁴³. При этом верхняя хронологическая граница возведения больших черниговских курганов может быть отнесена к 1025 г. – с учетом вышеупомянутой новейшей датировки кургана Черная могила 980-1025 гг. Сказанное заставляет отказаться от доверия к местной легенде о погребенном в Черной могиле основателе Чернигова князе Черном (которой, видимо, отдает дань В. Г. Лушин)¹⁴⁴ – даже из числа больших черниговских курганов Черная могила оказывается не самой древней. С другой стороны, в средневековых источниках данный курган под этим названием не упоминается, как и князь Черный. Летописное упоминание некой Черной могилы / Черных могил под 1147 г. в действительности не имеет отношение к Чернигову¹⁴⁵. А предание о похороненном в Черной могиле основателе Чернигова князе Черном впервые зафиксировано в конце XVIII в. А. Ф. Шафонским, причем тот указал существование и иной версии

этимологии названия г. Чернигова — от «черного леса»¹⁴⁶. Более того, стоит отметить, что название «Черная могила» закрепилось за известным черниговским курганом позднее XVIII в.: в конце столетия. Шафонский отмечал, что «по нынѣ стоять подь самыѣ симъ городомъ двѣ не малыя могилы: одна за старымъ землянымъ валомъ, близъ торговыхъ лавокъ и острога; а другая противъ самого Успенскаго Елецкаго монастыря, въ саду, ему принадлежащемъ. Но которая изъ сихъ черная называется, никто теперь не знаетъ»¹⁴⁷. Таким образом, местная легенда о погребении в Черной могиле основателя Чернигова не имеет надежной связи со Средневековьем и может быть относительно новой, вроде легенды о знаменитом крупном ладожском кургане как могиле Вещего Олега¹⁴⁸.

Делая ответственные и при этом совершенно бездоказательные утверждения о невозможности включения северян – «пактиотов» в состав черниговской элиты (с. 81) и погребенной в крупных черниговских курганах «династии» (с. 84)¹⁴⁹, В. Г. Лушин опять же не обратил внимания на наблюдения археологов об этническом характере погребальных обрядов и инвентаря черниговских курганов. Между тем, как уже отмечалось выше со ссылкой на известную Лушину работу А. В. Комара, в больших курганах Гульбище и Безымянный имел место северянский погребальный обряд в синтезе с древнерусским. Это, с одной стороны, свидетельствует о слабой сохранности северянских погребальных обычаев, находившихся под значительным давлением древнерусских. А с другой

¹⁴³ Там же. С. 343.

¹⁴⁴ Судя по всему, В. Г. Лушин относится к этому сомнительному преданию с некоторым доверием: в статье о датировке Черной могилы Лушин не упоминает о датировках прочих крупных черниговских курганов, но относит все большие курганы вместе с Черной Могилкой ко второй половине X – первым годам XI в. Создается впечатление, что автор не рассматривал возможность появления других крупных черниговских курганов раньше Черной могилы (Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы // История. Археология. Культура. Материалы и исследования. Зимовники, 2019. С. 30). В рецензируемой статье Лушин a priori пишет, что именно «знаменитый курган Черная могила» «прежде всего» «служит» «основанием для выделения» черниговского протогосударственного образования (с. 80)

¹⁴⁵ Васюта О. О. К вопросу об интерпретации известия Ипатьевской летописи о черной могиле (1147 г.) // Русский сборник. Т. 9. 2019. С. 181-183.

¹⁴⁶ Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. Киев., 1851. С. 247-248; Васюта О. О. К вопросу об интерпретации... С. 180-183.

¹⁴⁷ Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества... С. 247.

¹⁴⁸ О т. н. Олеговой могиле см: Бландов А. А. «Там, говорят, похоронен кто-то в этих сопках...»: предания о погребении князя Рюрика и Олега в Старой Ладобе // Петербургские исследования. № 6. 2016.

¹⁴⁹ В новейшей заметке о черниговских князьях X в. Лушин делает существенную оговорку: «Этих, пока еще гипотетических, правителей (реальность их существования весьма вероятна, но в настоящее время не доказуема) можно было бы считать Династией первого Черниговского княжества, будь уверенность в том, что они не принадлежали к Рюриковичам. Ввиду отсутствия данных об этом, корректнее именовать их Династией погребенных в черниговских больших курганах» (Цит. по: Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 52-53. Примеч. 21). Можно ли в этой связи неизвестных лиц уверенно считать одной династией, то есть родственниками? А если допустить, что это были Рюриковичи – то можно ли уверенно писать об их значительной независимости от Киева?

стороны – о возможной вовлеченности в управление Черниговом отдельных местных выходцев. Знаменитую фигурку из Черной Могилы обычно интерпретируют как идола скандинавского бога Тора¹⁵⁰, и такая интерпретация, вопреки предвзятому мнению В. Г. Лушина, является наиболее обоснованной¹⁵¹. В таком случае можно считать

¹⁵⁰Историю вопроса см., напр.: Мурашева В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // Российская археология. № 1. 2019. С.74-76.

¹⁵¹В. В. Мурашева, О. В. Орфинская и А. Ю. Лобода не исключают правоту версии, согласно которой эта фигурка была не идолом, а игровой фишкой, отмечая наличие в вещественном комплексе Черной могилы стеклянных и костяных шашек (там же. С. 76-77, 81), но в то же время призывают «обратить внимание на тот факт, что сияющий золотом «идол» был снят с кострища и помещен в верхнюю часть насыпи», что, безусловно, говорит об особом внимании к предмету, явно выходящему за пределы отношения к игровой фишке», и замечают, что «ни стеклянные, ни костяные шашки» в состав «комплекса» «у вершины кургана» «не вошли» (там же. С. 81). А если фигурка не играла роль типичной игровой фишки и была найдена не в той части кургана, где стеклянные и костяные шашки, то интерпретация ее как игровой фишки оказывается крайне маловероятной и, во всяком случае, наиболее умозрительной. Вероятно, авторы сами это ощущают, далеко не всегда заключая слово «идол» в кавычки. В. Г. Лушин, выборочно ссылаясь на эту работу, обходит этот момент стороной и походя отдает явное предпочтение версии о принадлежности «идола» к игровому набору (Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы. С. 22. Примеч. 1). Ссылаясь на эту статью, Лушин отметил лишь то, что «в ходе реставрации, выполненной в 2011 г., выявлена поза этого персонажа – он сидит со скрещенными босыми ногами (правая лежит сверху), что позволяет говорить о восточном влиянии [Мурашева В. В. и др., 2019, с. 77]» (там же. С. 21. Примеч. 1), игнорируя другие важные замечания данных авторов о том, что после реставрации 2011 г. был полностью подтвержден вывод Т. А. Пушкиной о принадлежности этой сидячей фигурке к кругу североевропейских древностей (Мурашева В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола»... С. 75), а еще в результате анализа 1990-х гг. было выявлено наличие золота в составе идола, что позволило соотнести его со скандинавской ремесленной традицией золочения бронзовых предметов (там же), и что наиболее акцентированная часть деталь изображения Тора – борода позволяет отождествлять фигурку с этим божеством (там же. С. 76).

Черную могилу захоронением выходца из Скандинавии¹⁵². Конечно, нет основания исключать возможности, что погребенные во всех этих разных крупных курганах лица находились между собой в некотором родстве. Но вместе с тем безоговорочно относить их к одной «династии» (даже в форме предположения) не приходится.

При этом попытки Лушина доказать, что в этих больших курганах были похоронены не киевские княжеские посадники, «автономные или (?! – авт.) независимые» от Киева правители», представляется несколько противоречивой. Так, В. Г. Лушин пытается всячески доказать, что таких высоких курганов, как в Чернигове, на Руси почти не встречалось, отмечая, что «к сопоставимым по размерам с Черной могилой насыпям может быть отнесен только гнездовский курган № 24, который в 1905 г. имел высоту около 8 м», в то время как «единственный из известных крупных киевских курганов достигал около 6 м высоты» (с. 84). Вместе с тем тут же автор отмечает, что уже к 1950 г., к началу раскопок Д. А. Авдусина, высота гнездовского кургана уже составляла всего 6,7 м (там же), то есть стала сопоставима с киевским. Но если тысячелетний курган за сравнительно незначительный промежуток времени длиной менее полувека столь заметно осыпался, то все ли остальные курганы сохранили до настоящего времени свою историческую высоту, и можно ли утверждать, что в X в. на Руси не существовало погребальных памятников, соразмерных черниговским? Тем более что не все курганы

¹⁵²Скандинавские верования на Руси среди славянского населения не получили большого распространения. В договоре Игоря с Византией, «Молитве» митрополита Иллариона и в некоторых русских законодательных памятниках отразилось влияние фризского права и фризских клятв (Губарев О. Л. 1) Дондеже солнце съезьт и весь мирь стоить» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. 2017; 2) По «Закону русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и Lex Frisionum // Novogardia. № 1 (5). 2020; Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словоѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018). Но скандинавских имен богов в них не упоминается. И бог-громовержец носит славянское имя «Перун», а не скандинавское «Тор».

сохранились до наших дней¹⁵³. К полностью утраченным памятникам, к примеру, относится известный В. Г. Лушину (там же) черниговский курган Княжны Черной.

В этой связи попытки изобразить погребенных в больших черниговских курганах как уникальные погребения независимых от Киева местных правителей не представляются убедительными. Тем более, что если среди черниговских управителей X – первой четверти XI были выходцы из августейших семейств Северной и Восточной Европы, то и подчиняясь власти киевских князей, они имели основания быть похороненными у себя в Чернигове с королевскими почестями не хуже скандинавских конунгов.

В заключение остается отметить, что рецензируемую статью В. Г. Лушина, несмотря на то, что она издана в научном сборнике и оформлена как научный труд, сложно отнести к числу научных трудов, она основана на ряде бездоказательных утверждений, субъективной трактовке источников, некорректном использовании терминологии, а также незнании (или невнимании) к историографии.

---

¹⁵³*Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017. С. 316-317.

Библиография

Источники:

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Повесть временных лет. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856.

Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеку (перевод В. Розена) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст варианта Ибн ал-Факиха по рукописи, изданной А. Шперегером (перевод А. Я. Гаркави) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст Ибн ал-Факиха по Мешхедской рукописи // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст о русах из сочинения Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст о русах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.

Литература:

Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. № 2. 1981.

Атанов П. А. К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. Вып. 3. Сер. 2. 2007.

Атанов П. А. К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. № 5. 2015.

Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. I. / Голов. ред. О. П. Моця. Коростень, 2008.

Арістов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ // Ruthenica. Т. XI. 2012.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии : география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавского ун-та. — 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. Варшава, 1885.

Бландов А. А. «Там, говорят, похоронен кто-то в этих сопках...»: предания о погребении князя Рюрика и Олега в Старой Ладоге // Петербургские исследования. № 6. 2016.

Васюта О. О. К вопросу об интерпретации известия Ипатьевской летописи о Чёрной могиле (1147 г.) // Русский сборник. Т. 9. 2019.

Верхотуров Д. Н. Остроумие против археологии // Valla. Т. 3. № 2. 2017.

Войтович Л. В. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М., 2006.

Войтович Л. В. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. № 1. 2013.

Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015.

Вілкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. А. Русское средневековье. М., 2010.

Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (53). 2013.

- Губарев О. Л.* «Пояша по собе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // *Valla*. Т. 2. № 3. 2016.
- Губарев О. Л.* Дондеже солнце съяеть и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. Т. 3. № 3. 2017.
- Губарев О. Л.* Новый взгляд на сообщения восточных источников о Руси на Востоке и на Западе // *Valla*. Т. 3. № 4. 2017.
- Губарев О. Л.* Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // *Valla*. Т. 3. № 6. 2017.
- Губарев О. Л.* И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря» // *Valla*. Т. 4. № 3. 2018.
- Губарев О. Л.* Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (к вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования древнерусского государства) // *Novogardia*. № 1. 2019.
- Губарев О. Л.* Рюрик Скьельдунг. СПб, 2019.
- Губарев О. Л.* По «Закону русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и *lex frisionum*) // *Novogardia*. № 1 (5). 2020.
- Губарев О. Л.* К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.
- Губарев О. Л.* Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.
- Данилевский И. Н.* «Добру и злу внимаю равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // *Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России*. № 3(6). 1995.
- Еремеев И. И.* Новгородские сопки и курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород, СПб., 2007.*
- Елиферова М. В.* Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // *Valla*. Т. 4. № 3. 2018.
- Звіздецький Б. А.* Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древліанської землі // *Український історичний журнал*. Вип. 3 (№ 349). 1990.
- Звіздецький Б. А.* Про деякі особливості древліанських городищ VIII–X ст. // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірник наукових праць*. К., 2004.
- Звіздецький Б. А.* Городища IX–XIII вв. на території літописних древліан. К., 2008.
- Звіздецький Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць*. К., 2004.
- Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009.
- Касиковы Х. и А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // *Скандинавский сборник*. XXXIII. Таллин, 1990.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986.
- Кирпичников А. Н.* Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // *Первые скандинавские чтения*. СПб., 1997.
- Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама*. М.–Вологда, 2012.
- Комар А. В.* Чернигов и нижнее Подесенье // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама*. М.–Вологда, 2012.
- Конечный В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л., 1989.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Л., 1985.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (63). 2016.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.
- Лукин П. В.* «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной*

конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Лукин П. В. Великий Новгород // Slověne = Словѣне. № 2. 2018.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018.

Лушин В. Г. Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Легенда о призвании варягов и ее главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовни, 2017.

Лушин В. Г. 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы // История. Археология. Культура. Материалы и исследования. Зимовники, 2019.

Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей // Rossica & Slavica. Сборник статей и материалов. 2021 г. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси // Rossica & Slavica. Сборник статей и материалов. 2021 год. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики. Л., 1986.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002.

Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018.

Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюри-ковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

Мурашова В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // Российская археология. № 1. 2019.

Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016.

Неретин Ю. А. Нумерология Киевской Руси.

URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (дата обращения: 10. 11. 2021).

Несин М. А. Вече в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия // Европа в Средние века и раннее Новое время, общество, власть, идеология и культура. Материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых: Ижевск, 2-3 декабря 2013 г. Ижевск, 2014.

Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015.

Несин М. А. Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. № 6. 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. // Диссертация на соискательство ученой

степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018.

Нефедов В. С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород–Старая Русса. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., 2017.

Петров М. И., Соболев В. Ю. «Город живых» и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (18–20 апреля 2017 г.) М.–Псков, 2018.

Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017.

Пилипчук Я. В. О некоторых случаях использования этнонима «сакалиба» // Valla. Т. 3. № 2. 2017.

Платонова Н. И. Рюриково городище в контексте новых исследований. Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 // Российская археология. № 2. 2019.

Попов В. А. Параполитейность как вариант становления вторичной государственности в предколониальной Западной Африке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2 (К 60-летию проф. Е. А. Шинакова). Брянск, 2008.

Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007.

Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск, 2011.

Пузанов В. В. «Посла ны дервььска земл а. . . » к проблеме типологии «Летописных племен» // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. № 3. 2014.

Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.

Пчелов Е. В. Олег Вещий. М., 2018.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Rorik (Hrōrikr) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1994

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.

Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л.–П. СПб., 1902.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Толочко О. П. [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010 // Ruthenica. Т. X. 2011.

Толочко А. П. Очерки начальной Руси. К.–СПб., 2015.

Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013.

Харьковский И. А. Происхождение Рюрика в свете уточнения дат его призвания и смерти // Valla. Т. 3. № 1. 2017.

Хлезов А. А. Еще раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.,

РЮРИК И ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ
(РЕЦ. НА: ЛУШИН В. Г. ВАРЯГИ ИЗ «ЗАМОРЬЯ», ЛЕТОПИСНАЯ ЛЕГЕНДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
ОБ «ЭПОХЕ РЮРИКА» // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 53-75; ЛУШИН
В. Г. О ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ // ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 76-88)

2002.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. Киев, 1851.

Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020.

Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. – 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М. 2017.

Щанов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Янин В. Л. Тайственный X век // Знание–сила. № 2. 1969.

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World; Vol. 75. Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017.

Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. P. 29–48.

Сведения об авторах

Губарев Олег Львович, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант–Наука», автор книг «Рюрик Скъельдунг» и «Начальная Русь на пути «из варяг в греки»», Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–X вв.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ученый секретарь межрегиональной организации «Историческое сознание», г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история и историческая география Средневековой Руси.

E-mail: petergof-history@mail.ru

O. L. Gubarev, M. A. Nesin

**RURIK AND PROTO-STATE FORMATIONS IN THE EASTERN SLAVIC LANDS
(REVIEW ON: LUSHIN V. G. VARANGIANS FROM THE “OVERSEAS”, CHRONICLE
LEGEND AND ARCHAEOLOGICAL DATA ABOUT THE “ERA OF RURIK”. HISTORICAL
AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTION. ZIMOVNIKI, 2020. PP. 53-75; LUSHIN V. G. ON
PRE-STATE FORMATIONS IN THE EAST SLAVIC LANDS. HISTORICAL AND
ARCHAEOLOGICAL COLLECTION. ZIMOVNIKI, 2020. PP. 76-88.)**

Annotation: This work is a review of the articles by V. G. Lushin “Varangians from the ‘Overseas’, chronicle legend and archaeological data about the ‘era of Rurik’” and “On pre-state formations in the East Slavic lands”, published in 2020 in the collection of the Zimovniki Museum of Local Lore “Historical and Archaeological collection”. According to the reviewers' conclusion, V. G. Lushin's new arguments “against” the possibility of hypothetical identification of the chronicler's Rurik with the Rerik of Friesland do not seem convincing. And the works of V. G. Lushin about Rurik with arbitrary interpretations of sources, a priori judgments, a number of ambiguous arguments, a vague idea

of what can and cannot be considered a political center and whether this center should be in proto-state education, seem difficult to be recognized as qualitative scientific research claiming to solve controversial issues of the history of early medieval Eastern Europe. And V. G. Lushin's article on pre-state formations, despite the fact that it is published in a scientific collection and framed as a scientific work, is difficult to attribute to the number of scientific works. It is based on a number of unsubstantiated statements, subjective interpretation of sources, incorrect use of terminology, as well as ignorance of (or inattention to) historiography.

Keywords: Rurik, proto-state formations, Iskorosten, Chernihiv.

References

Sources:

Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Old Russian princely charters of XI–XV centuries]. Moscow, 1976. (In Russian)

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of of Velikiy Novgorod and Pskov]. Moscow–Leningrad, 1949. (In Russian)

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [On the government of the empire]. Moscow, 1991. (In Russian)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, 1996. (In Russian)

PSRL. Vol. 7. Voskresenskaya letopis' [Voskresenskaya Chronicle]. St. Petersburg, 1856. (In Russian)

Tekst o russkikh kuptsakh po Ibn Khordadbehu (perevod V. Rozena) [The text about Russian merchants by Ibn Khordadbeh (translated by V. Rosen)]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst varianta Ibn al-Fakikha po rukopisi, izdannoii A. Shperegerom (perevod A. Ya. Garkavi) [The text of the version of Ibn al-Faqih according to the manuscript published by A. Shpereger (translated by A. Ya. Garkavi)]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst Ibn al-Fakikha po Meshkhedskoi rukopisi [The text of Ibn al-Faqih according to the Mashhad manuscript]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst o rusakh iz sochineniya Ibn Ruste “al-A'lak an-nafisa” [The text about Russ from the work of Ibn Rust “al-A'lak an-nafisa”]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst o rusakh iz sochineniya Gardizi “Zain al-akhbar” [The text about Russ from Gardizi's essay “Zain al-Akhbar”]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tikhomirov M. N. Posobie po izucheniyu Russkoi Pravdy [Handbook for the Study of Russian Truth]. Moscow, 1953. (In Russian)

Researches:

Abramovich G. V. K voprosu o kriteriyakh rannego feodalizma na Rusi I stadial'nosti ego perekhoda v razvitoi feodalizm [On the question of the criteria of early feudalism in Russia and the reality of its transition to developed feudalism]. Istoriya SSSR. No. 2. 1981. (In Russian)

Atanov P. A. K voprosu o «Prizvanii varyagov» [To the question of the "Vocaling of the Varangians"]. Vestnik SPbGU. Vyp. 3. Ser. 2. 2007. (In Russian)

Atanov P. A. K voprosu o meste zahoroneniya Ryurika: Urochishche Plakun [On the question of the burial place of Rurik: the area of Plakun]. Peterburgskie issledovaniya. No 5. 2015. (In Russian)

Androshchuk F. Drevlyanskaya zemlya v mezhregional'nykh kontaktakh IX–X vv. [Drevlyanskaya land in interregional contacts of the IX–X centuries]. Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'. Vol. I. Ed. by O. P. Motsya. Korosten', 2008. (In Ukrainian)

Aristov V. Do pitannya pro “khronologichnu simetriyu” Povisti vremennih lit [To the question about “chronological symmetry” of the Tale of bygone years]. Ruthenica. Vol. XI. 2012. (In Ukrainian)

Barsov N. P. Ocherki russkoj istoricheskoy geografii : geografiya nachal'noj (Nestorovoj) letopisi

[Essays on Russian historical geography: geography of the initial (Nestorian) chronicle] / issled. N. P. Barsova, e. o. prof. i bibliotekarya Imp. Varshavskago un-ta. — 2-e izd., ispr. i dop. alf. ukaz. Varshava, 1885. (In Russian).

Blandov A. A. “Tam, govoryat, pokhoronen kto-to v etikh sopkakh...”: predaniya o pogrebenii knyazya Rurika i Olega v Staroi Ladoge [“They say someone is buried there in these hills...”: legends about the burial of Prince Rurik and Oleg in Staraya Ladoga]. Peterburgskie issledovaniya. No. 6. 2016. (In Russian)

Vasyuta O. O. K voprosu ob interpretatsii izvestiya Ipat'evskoi letopisi o chernoï mogile (1147 g.) [On the question of interpretation of the information of the Ipatievskaya Chronicle about the Black Grave (1147)]. Russkii sbornik. Vol. 9. 2019. (In Russian)

Verkhoturov D. N. Ostroumie protiv arkheologii [Wit against Archeology]. Valla. Vol. 3. No. 2. 2017. (In Russian)

Vilkul T. L. Litopis' i khronograf. Studii z domongol's'kogo kiivs'kogo litopisannya [Chronicle and chronograph. Extracts from the pre-Mongolian Kyiv Chronicle]. Kyiv, 2015. (In Ukrainian)

Vilkul T. L. Novi bibliini zapozichennya u Povisti vremennih lit: knigi prorokiv [New biblical borrowings in the tale of bygone years: the books of the prophets]. Ukraina v Tsentral'no-Skhidnii Evropi. Iss. 15. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vojtovich L. V. Rurik: legendy i dejstvitel'nost'. [Rurik: legends and reality]. Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiyu professora Igorya YAkovlevicha Froyanova / Otv. red. YU. Alekseev, A. Degtyarev, V. Puzanov. Moscow, 2006. (In Russian).

Vojtovich L. V. Rurik i proiskhozhdenie dinastii Rurikovichej: novye dopolneniya k starym sporam [Rurik and the origin of the Rurik dynasty: new additions to old disputes]. Rusin. No 1. 2013. (In Russian).

Gorskii A. A. Drevnerusskaya družhina [Old Russian družhina]. Moscow, 1989. (In Russian)

Gorskii A. A. Russkoe srednevekov'e. [Russian Middle Ages]. Moscow, 2010. (In Russian).

Gorskij A. A. “Klady vikingov” na frankskoj zemle i nachal'naja istorija Rusi [“Hoards of Vikings” in Frank's land and the initial history of Rus]. Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. No 3 (53). 2013. (In Russian).

Gubarev O. L. «Pojasha po sobe vsju rus'»: chto podrazumevala jeta fraza? // Valla. Vol 2. No 3. 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. “Dondezhe solntse s'yayet' i ves' mir stoit” (magicheskaya formula v dogovore Rusi s grekami 945 g.) [“Until the sun shines and the whole world stands” (magic formula in the agreement between Rus' and Greeks in 945)]. Valla. Vol. 3. No. 3. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Novyj vzglyad na soobshcheniya vostchnyh istochnikov o Rusi na Vostoke i na Zapade [A new opinion on the reports of Eastern sources about Russia in the East and in the Wes]. Valla. Vol 3. No 4. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Dve Rusi IX veka: sveony 839 g. i dany Rurika (Two Rus'es of the IX century: sveons of 839 and Danes of Rurik] Valla. Vol. 3. No 6. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. I snova o Rurike, prishedshem “iz-za morya” [Again about Rurik, who came “from across the sea”]. Valla. Vol. 4. No. 3. 2018. (In Russian)

Gubarev O. L. Tak byl Oleg velikim knyazem Rusi ili vovodoi Igorya? (k voprosu o sootvetstvii rezultatov tekstologicheskikh issledovaniy po metodu A. A. Shakhmatova i issledovaniy istoricheskogo protsessa obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva) [So was Oleg the Grand Duke of Russia or Igor's governor? (On the question of the correspondence of the results of textual studies by the method of A. A. Shakhmatov and studies of the historical process of the formation of the Old Russian State)]. Novogardia. No. 1. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Rurik Sk'yol'dung [Rurik Skjoldung]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Po “Zakonu Russkomu” (k voprosu o sravnitel'nom izuchenii drevnerusskogo i

drevneskandinavskogo prava i Lex Frizionium) [To the “Russian law” (to the question of a comparative study of ancient Russian and ancient Scandinavian law and Lex Frisionum)]. *Novogardia*. No. 1 (5). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan do Ryurika [On the discussion of tribal unions and the politogenesis of the Eastern Slavs before Rurik]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Genrik Lovmyanskij i ego kritika gmptezy tozhdestva Ryurika i Ryorika Frislandskogo [Henrik Lovmyanskiy and his criticism of the gmpteza of the identity of Rurik and Rorik Friesland] // *Novogardia*. No 4 (8). 2020

Danilevskij I. N. «Dobru i zlu vnimaya ravnodushno...»? (Nravstvennyye imperativy drevnerusskogo letopisca) [“Listening to good and evil indifferently...”? (Moral imperatives of the Old Rus chronicler)] // *Al'fa i Omega: Uch. zap. O-va dlya rasprostraneniya Svyashch. Pisaniya v Rossii*. № 3(6). 1995. (In Russian).

Eremeev I. I. Novgorodskie sopki i kurgany Srednei Shvetsii: problemy sravnitel'nogo issledovaniya [Novgorod barrows and mounds of Central Sweden: problems of comparative research]. U istokov russkoi gosudarstvennosti: Istoriko-arkheologicheskii sbornik: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 4-7 oktyabrya 2005 g. Velikiy Novgorod. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Eliferova M. V. Ryurikovo gorodishche: chto zhe otkopali na samom dele? [Rurik’s settlement: what was actually unearthed?]. *Valla*. Vol. 4. No. 3. 2018. (In Russian)

Zvzdets'kii B. A. Pro chas viniknennya ta sotsial'nu tipologiyu litopisnih “gradiv” Drevlyans'koi zemli [On the time of emergence and social typology of Chronicle “grads” of the Drevlyansky land]. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal*. Iss. 3. (No. 349). 1990. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Pro deyaki osoblivosti drevlyans'kih gorodishch VIII–X st. [On some features of drevlyansky ancient settlements of the VIII—X centuries]. *Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'*. Kyiv, 2004. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Gorodishcha IX–XIII vv. na teritorii litopisnih drevlyan [Hillforts in IX–XIII centuries on the territory of the Chronicle drevlyans]. Kyiv. 2008. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Petrauskas O. V., Pol'gui V. I. Novi doslidzhennya starodavn'ogo Iskorostenya [New studies of ancient Iskorosten]. *Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi VIII–X st. Zbirka naukovih prats'*. Kyiv, 2004. (In Ukrainian).

Karpov A. Yu. Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, 2009. (In Russian).

Kasikovy H. i A. Eshche raz o Ryurike Novgorodskom i Rorike Datchanine [Once again about Rurik of Novgorod and Rorik the Dane]. *Skandinavskij sbornik*. XXXIII. Tallin, 1990. (In Russian).

Kirpichnikov A. N., Dubov I. V., Lebedev G. S. Rus' i varyagi: (Russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Russia and the Varangians: (Russian-Scandinavian relations before the Mongol period)]. *Slavyane i skandiny*. Moscow, 1986. (In Russian).

Kirpichnikov A. N. Skazanie o prizvanii varyagov. Analiz i vozmozhnosti istochnika [The legend of the calling of the Varangians. Analysis and possibilities of the source]. *Pervye skandinavskie chteniya*. St. Peterburg, 1997. (In Russian).

Komar A. V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama*. Moscow–Vologda, 2012. (In Russian).

Komar A. V. Chernigov i nizhnee Podesen'e [Chernigov and lower Podesenye]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama*. Moscow–Vologda, 2012. (In Russian).

Konetskii V. Ya. Novgorodskie sopki i problema etnosotsial'nogo razvitiya Priil'men'ya v VIII–X vv. [Novgorod barrows and the problem of ethnosocial development of the Priilmenye in the VIII–X centuries]. *Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya*. Leningrad, 1989. (In Russian).

Lebedev G. S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-Arheologicheskie ocherki [Viking Age in Northern Europe. Historical and archaeological essays]. Leningrad, 1985. (In Russian).

Litvina A F. Uspenskii F. B. Pochemu varyag Yakun “otbezhe ludy zlatoe”? Stseny Listvenskoi bitvy 1024 g. [Why Varangian Yakun “otbezhe ludy zlatoe”? Scenes of the Battle of Listven 1024]. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. No. 1 (63). 2016. (In Russian)

Lukin P. V. “No preblagii Bog ne khotya smerti greshnikom...”: nachal'noe letopisanie ob epokhe

Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam [“But God is most gracious and does not wish death to sinners...”: the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g. Moscow, 2017. (In Russian)

Lukin P. V. Velikii Novgorod [Veliky Novgorod]. Slověne = Slovĕne. No. 2. 2018. (In Russian)

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, 2018. (In Russian)

Lushin V. G. Podveska iz Pskova, “khristianskie” psevdodirkhamy i letopisnaya khronologiya [Pendant from Pskov, “Christian” pseudodirhams and chronology]. Numizmatika Starogo Sveta. Book I. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Ryurik [Ryrik]. Drevnyaya Rus' v IX–XI vekah: konteksty letopisnykh tekstov. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Ryurik [Ryrik]. Istoriko-arkheologicheskie zapiski. Book III. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Legenda o prizvanii varyagov i eyo glavnyi geroi [The legend of the invitation of the Varangians and its main character]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Kn. I. Zimovni, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. 6411 (903) i 6453 (945) gody v strukture letopisnykh datirovok sobytii X veka [6411 (903) and 6453 (945) years in the structure of chronicle dating of events of the X century]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Book I. Zimovniki, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. K voprosu o date Chyornoj mogily [To the question of the date of the Black Grave]. Istoriya. Arkheologiya. Kul'tura. Materialy i issledovaniya. Zimovniki, 2019. (In Russian).

Lushin V. G. Varuagi iz “Zamoria”, letopisnaya legenda i arkheologicheskii dannye ob “epokhe Rurika” [Varangians from the “Overseas”, chronicle legend, and archaeological data about the “era of Rurik”]. Istoriko-arkheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Lushin V. G. O predgosudarstvennykh obrazovaniyakh na vostochnoslavianskikh zemlyakh [On pre-state formations in the East Slavic lands]. Istoriko-arkheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Lushin V. G. Priglasenie varyazhskikh knyazei [Invitation of the Varangian princes]. Rossica & Slavica. Sbornik statei i materialov. 2021 god. Rostov-on-Don–Zimovniki, 2021. (In Russian).

Machinskij D. A. Etnosocial'nye i etnokul'turnye processy v Severnoj Rusi (period zarozhdeniya drevnerusskoj narodnosti) [Ethnosocial and ethnocultural processes in Northern Russia (the period of the origin of the Old Russian nationality)]. Russkij Sever: Problemy etnokul'turnoj istorii, etnografii i folkloristiki. Leningrad, 1986. (In Russian).

Machinskij D. A., Machinskaya A. D. Severnaya Rus', russkij Sever i Staraya Ladoga v VIII–XI vv. [Northern Rus, Russian North and Staraya Ladoga in the VIII–XI centuries]. Kul'tura russkogo Severa. Leningrad, 1988. (In Russian).

Mishin D. E. Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannem srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the Early Middle Ages]. Moscow, 2002. (In Russian).

Moldovan A. M. Molitva v strukture Sinodal'nogo spiska sochinenii Ilariona [Prayer in the structure of the Synodal List of works of Hilarion]. “Slověne = Slovĕne”. Vol. 7. No. 1. 2018. (In Russian).

Molchanov A. A. Drevneskandinavskij antroponimicheskij element v dinasticheskoj tradicii roda Ryuri-kovichej [The Old Scandinavian anthroponymic element in the dynastic tradition of the Rurik family] // Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy. [IV] CHteniya pamyati V. T.

Pashuto. Moskva, 13–15 aprelya 1992 g. Tezisy dokladov. Moscow., 1992. . (In Russian).

Murasheva V. V., Orfinskaya O. V., Loboda A. Yu. “Novaya istoriya” “idola” iz kurgana Chernaya mogila (X v.) [“New history” of the “idol” from the Black Grave mound (X century)]. Rossiiskaya arkhologiiya. No. 1. 2019. (In Russian)

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian)

Nazarenko A. V. Dostovernnye godovye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlya izucheniya drevnerusskoi istoriografii [Reliable annual dates in the early chronicle and their significance for the study of Ancient Russian historiography]. Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow, 2016. (In Russian)

Neretin Yu. A. Numerologiya Kievskoi Rusi [Numerology of Kievan Rus]. URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (accessed: 10. 11. 2021)

Nesin M. A. Veche v Severo-Vostochnoi Rusi posle Batyeva nashestviya [Veche in Northeastern Russia after the Batu khan invasion]. Evropa v Srednie veka i rannee Novoe vremya, obshchestvo, vlast', ideologiya i kul'tura. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii molodykh uchenykh: Izhevsk, 2-3 dekabrya 2013 g. Izhevsk, 2014. (In Russian)

Nesin M. A. Nekotorye cherty sotsial'noi transformatsii v X–XI vv. v vostochnoslavlyanskom obshchestve v letopisnoi sotsial'noi terminologii [Some features of social transformation in the X–XI centuries in the East Slavic society in chronicle social terminology]. Istoricheskii format. No. 2. 2015. (In Russian)

Nesin M. A. Severo-Vostochnaya Rus' pri mongolakh [North-Eastern Russia under the Mongols]. Valla. Vol. 2. No. 6. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [Institute of Novgorod tysyatskys in the XII–XV centuries]. Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Voronezh, 2018. (In Russian).

Nefedov V. S. Smolenskie krivichi i Rus': severoevropeskie i drevnerusskie izdeliya v smolenskikh dlinnykh kurganakh [Krivichi from Smolensk and Rus: Northern European and Old Russian manufactures in the Smolensk long barrows]. Trudy III (XIX) Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod–Staraya Russa. Vol. II. St. Petersburg–Moscow–Velikiy Novgorod, 2011. (In Russian).

Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniya [Rurikovo settlement. New stages of research]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Petrov M. I., Sobolev V. Yu. “Gorod zhivykh” i “gorod mertvykh”: k voprosu o lokalizatsii rannego mogil'nika Novgoroda [“City of the living” and “city of the dead”: remarks on location of early Novgorod cemetery]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Iss. 33. Materialy 63-go zasedaniya (18–20 aprelya 2017 g.) Moscow-Pskov, 2018. (In Russian).

Petruhin V. Ya. Rus' v IX–X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith.]. Moscow, 2017. (In Russian).

Pilipchuk Ya. V. O nekotorykh sluchayah ispol'zovaniya etnonima «sakaliba» [On some cases of using the ethnonym "sakaliba"]. Valla. Vol. 3. No 2. 2017. (In Russian).

Platonova N. I. Ryurikovo gorodishche v kontekste novykh issledovaniy [Rurikovo settlement in the context of new research]. Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniya [Rurik's settlement. New stages of research]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. Rossiiskaya arkhologiiya. No. 2. 2019. (In Russian).

Popov V. A. Parapoliteinnost' kak variant stanovleniya vtorichnoi gosudarstvennosti v predkolonial'noi Zapadnoi Afrike [Parapolitical as a variant of the formation of secondary statehood in pre-colonial West Africa]. Russkii sbornik. Iss. 8, Vol. 2 (K 60-letiyu prof. E. A. Shinakova). Bryansk, 2008. (In Russian).

Puzanov V. V. O spornykh voprosakh izucheniya genezisa vostochnoslavlyanskoi gosudarstvennosti v noveishei otechestvennoi istoriografii [On controversial issues of studying the genesis of the East Slavic

statehood in the newest Russian historiography]. *Srednevekovaya i novaya Rossiya: K 65-letiyu prof. Igorya Yakovlevicha Froyanova*. St. Petersburg, 1996. (In Russian).

Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genesis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [Ancient Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs]. Izhevsk, 2007. (In Russian).

Puzanov V. V. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva v vostochnoevropeiskoi istoriografii: uchebnoe posobie [The formation of the Old Russian state in Eastern European historiography: a textbook]. Izhevsk, 2011. (In Russian).

Puzanov V. V. "Posla ny der'v'ska zeml a. . . ". K probleme tipologii "Letopisnykh plemen" ["Posla ny der'v'ska zeml a. . . ". On the problem of typology of "Chronicle tribes"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. 156. No. 3. 2014. (In Russian).

Pchelov E. V. Rurik [Rurik]. Moscow, 2018. (In Russian).

Pchelov E. V. Oleg Veshchii [Oleg the Prophetic]. Moscow, 2018. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian Principality of the XII-XIII centuries]. Moscow, 1982. (In Russian).

Rybina E. A. O dvukh drevneishikh torgovykh dogovorakh Novgoroda [About the two oldest trade agreements of Novgorod]. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. No. 3 (18). 1989. (In Russian).

Shafonskii A. F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisanie s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Maloi Rossii [Chernihiv Viceroyalty topographic description with a brief geographical and historical description of Little Russia]. Kyiv, 1851.

Sverdlov M. B. Genesis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Sverdlov M. B. Rorik (Hrørik) i Gordum [Rorik (Hrørik) and Gordum] // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Drevnyaya Rus' v sisteme etnicheskikh i kul'turnykh svyazey*. VI Shteniya pamyati V.T. Pashuto. Moscow, 1994. (In Russian).

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Skobelev A. V. «Ludi» v sisteme sotsialnih svyazey vostochnoslavianskogo obshchestva VI – pervoy treti XIII v. [«Ludi» in the system of social relations of the East Slavic society of the VI - first third of the XIII century] *Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Izhevsk, 2010. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 22. Moscow, 1997. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom vtoroi. L–P. St. Petersburg, 1902. (In Russian)

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny. Voенно-politicheskaya elita v X–XI vekakh [Boyars, youths, squads. Military-political elite in the X–XI centuries]. Moscow, 2012. (In Russian)

Tolochko O. P. [Retsenziya na:] Istoriko-arkheologicheskie zapiski, otv. red. E. P. Tokareva. Kn. 1. Zimovniki: Zimovnicheskii kraevedcheskii muzei, 2010 [Review of:] *Historical and archaeological notes, edited by E. P. Tokarev. Book. 1. Zimovniki: Zimovniki Museum of local lore, 2010*. Ruthenica. Vol. X. 2011. (In Ukrainian).

Tolochko A. P. Oчерki nachal'noi Rusi [Essays of primordial Rus]. Kyiv–St. Petersburg, 2015. (In Russian).

Tolochko P. P. Rannyaya Rus': arheologiya i istoriya [Early Rus: archeology and history]. St. Petersburg, 2013. (In Russian).

Har'kovskij I. A. Proiskhozhdenie Ryurika v svete utochneniya dat ego prizvaniya i smerti [The

origin of Rurik in the light of clarifying the dates of his vocation and death]. Valla. Vol. 3. No 1. 2017. (In Russian).

Hlevov A. A. Eshche raz o Ryurike [Once again about Rurik]. Istoriya i kul'tura srednih vekov: aktual'nye problemy: tezisy dokladov XXI mezhvuzovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. St. Peterburg, 2002. (In Russian).

Shafonskij A. F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisaniye s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Maloj Rossii [Chernihiv viceroyalty topographic description with a brief geographical and historical description of Little Russia]. Kiev, 1851. (In Russian).

Shchhavelev A. S. "Plemena" vostochnykh slavyan: etapy zavoevaniya i stepen' zavisimosti ot derzhavy Ryurikovichei v X v. ["Tribes" of the Eastern Slavs: stages of conquest and the degree of dependence on the Rurik empire in the X century]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Moscow–Vologda, 2017. (In Russian)

Shchhavelev A. S. Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987 gody) [Chronotope of the Rurikovichs' Empire (911–987)]. Moscow, 2020. (In Russian)

Shchhavelev A. S., Fetisov A. A. K istoricheskoi geografii Vostochnoi Evropy IX v. – 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov [On the historical geography of Eastern Europe in the IX century. - 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts]. Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e. Moscow, 2017. (In Russian)

Shchapov Ya. N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI–XIV centuries]. Moscow, 1972. (In Russian)

Yanin V. L. Tainstvennyi X vek [The mysterious X century]. Znanie-sila. No. 2. 1969. (In Russian).

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World; Vol. 75.Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017. (In English).

Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. (In English).

About the authors

Gubarev Oleg L., columnist of the newspaper of scientists "Troitskiy variant – nauka", author of the books "Rurik Skjoldung" and "Initial Russia on the way "from the Varangians to the Greeks", St. Petersburg (Russia). Research interests: Antion Rus in IX-X centuries.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Nesin Mikhail A., PhD in History, Scientific Secretary of the Interregional Organization of Social and Humanitarian Scientific Research "Historical Consciousness" St. Petersburg (Russia). Research interests: history and historical geography of Medieval Rus.

E-mail: petergof-history@mail.ru.